

21.832к

М. ШОШИМ

НАШИ
ГОРОДА

ОГИЗ·ИВГИЗ·1945

ИЗ БИБЛИОТЕКИ

поэта

*Дмитрия Николаевича
Семеновского*

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

Воскр. тип. Т. 1 млн. З. 384—75

Д. Селезнев

М. ШОШИН

НАШИ ГОРОДА

О ЧЕРКИ
О ГОРОДАХ
И РАЙОННЫХ ЦЕНТРАХ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОГИЗ

Ивановское областное
государственное издательство

1945

-- 2010

кр 21.832

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собрав воедино очерки о городах и районных центрах Ивановской области, М. Шошин сделал хорошее и нужное дело.

Получилась живая, интересная книга, содержащая разнообразный познавательный материал о родном крае.

Любить свой край — значит изучать и узнавать его. Книга М. Шошина помогает читателю ближе узнать нашу область с ее городами.

Много ценных сведений сообщает автор в своих сжатых небольших очерках. Тут — история каждого города, описание его природных особенностей, его промышленно-экономического роста, рассказы о замечательных людях, так или иначе связанных с Ивановской областью.

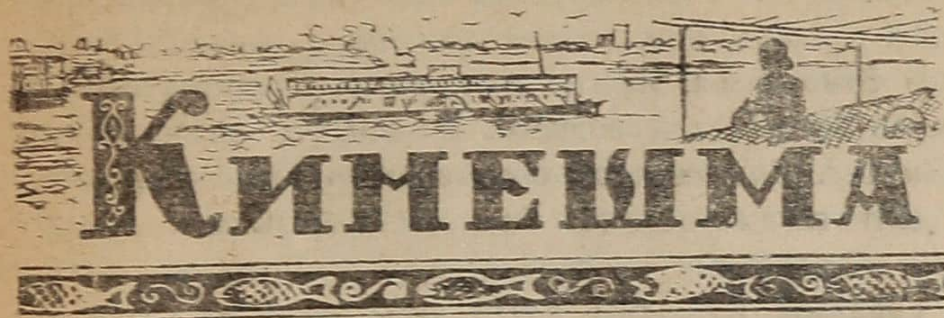
«Преданья старины глубокой» и современные события, прошлое и настоящее нашего края, его роль в истории страны — все это нашло отражение в книге М. Шошина.

Разнообразие материала и живость изложения делают книгу занимательной, а хороший и простой язык — доступной широким кругам читателей.

Величайшая победа над фашистской Германией принесла русскому народу огромную мировую славу и уважение всего передового человечества. В связи с этим история народа-победителя вновь приобретает особенный интерес. В эти дни книга М. Шошина особенно нужна и своевременна.

Д.м. Семеновский.

Июль 1945 года.

Город Кинешма возник, бесспорно, как крепость на Волге. Место для его основания выбирали люди, хорошо знающие военное дело. На правом высоком берегу великой русской реки они отыскивали уголок, который сам по себе представлял естественную крепость. Это была обширная холмистая площадка, ограниченная с одной стороны Волгой, с другой — рекой Кинешемкой и с третьей — Козохой.

В этой местности и была построена одна из крепостей, которые охраняли волжский путь и давали отрастку поволжской татарщине.

В 1429 г. Кинешма перенесла грабительский набег казанского хана и в связи с этим впервые была упомянута в исторических документах.

В начале XVII в. Кинешма была уже значительным богатым торговым городком и потому привлекла к себе внимание известного в истории грабителя пана Лисовского, который явился в Россию по следам са-

мозванца и во главе крупной шайки авантюристов бросился грабить оживленные торговые города северного Замосковья, многие из которых входят теперь в состав Ивановской области. В 1609 г. он напал на Кинешму. Кинешемское ополчение во главе с храбрым и деятельным воеводой Федором Боборыкиным дало пану Лисовскому крепкий отпор.

Гарнизон Кинешмы почти весь погиб во главе со своим героическим военачальником Боборыкиным.

Лисовский грабил Кинешму и близлежащие к ней местности несколько месяцев, а в это время на Волге — в Решме и Юрьевце, а в особенности в заволжских лесах население готовилось к отмщению.

Лисовский ворвался в Кинешму летом, а в середине зимы волгари обложили ее со всех сторон и взяли штурмом. Лисовскому с кучкой головорезов удалось скрыться, вся остальная часть была пленена.

Времена были суровые. Русский народ испытывал страшную ненависть к захватчикам, которые терзали страну, и потому расправа волгарей с разбойниками пана Лисовского была жестокой.

— Вы сожрали всех наших коров, телят и овец, а теперь жрите нашу рыбу, — говорили волгари, отправляя грабителей в проруби Волги.

Через три года кинешемцы с ликованием встречали могучее нижегородское ополчение, которое шло на Москву через Ярославль берегом Волги. Под стяг

Минина и Пожарского встал и отряд кинешемских ополченцев.

Десятилетия и века проносились над Кинешмой: крепло русское государство, объединяя исконно русские земли; границы родины отодвинулись далеко от ее центральных областей, и никакие иноземные пришельцы уже не достигали древней Кинешмы.

В этих со старины густо населенных местах крестьяне имели маленькие наделы: большую площадь земли занимали многочисленные помещичьи хозяйства, владевшие не только большими пахотными угодьями, но и огромными лесными дачами.

Урожая с узких крестьянских полосок, возделанных сохой, хватало крестьянским семьям до «рождества», до «масленицы».

Население искало заработка на стороне. Мужчины работали бурлаками, лесорубами, сплавщиками, женщины занимались кустарным промыслом на дому — ткали льняные полотна, вязали кружева.

Старинный герб Кинешмы — два сложенных крест на крест куска полотна.

Писатель А. Потехин писал о Кинешме:

«В уезде почти в каждой деревенской избе несколько человек заняты ткацким производством. В городе почти каждая мещанка употребляет свое время преимущественно на то, что прядет пряжу, тклет из нее полотна и потом продает».

В городе до сих пор сохранились большие здания полотняных фабрик купцов Грязновых, Талановых и Зверковых...

Во второй половине XVIII в. и начале XIX в. фабрики вырабатывали равендук и фламские полотна, шедшие в продажу главным образом за границу — в Англию. Выработка производилась ручным способом.

Примечательно то, что купцы Талановы, Грязновы, Зверковы не смогли выдержать конкуренции с развивавшимся хлопчатобумажным производством и разорились.

Купцов-горожан вытеснили более предприимчивые, цепкие, лучше знавшие жизнь купцы из крепостных мужиков, фабриканты из села Вичуги Кинешемского уезда. Нажив большие капиталы на своих вичужских хлопчатобумажных фабриках, оборудованных машинами, они потом стремительно вырвались к Волге и поставили фабрик по всему ее горному берегу от Кинешмы до Плеса. Этих вичужских фабрикантов — Разореновых, Кокоревых, Бакакиных, Миндовских, Коноваловых — Волга привлекла, конечно, не своими красотами, а удобством сбыта товаров. Быстро и дешево они могли отправлять их вниз по течению Волги на Нижегородскую ярмарку, в Царицын, Астрахань, Среднюю Азию.

Город особенно вырос и оживился после проведения в начале 70-х гг. XIX в. железной дороги Моск-

ва—Кинешма. Он стал перевалочным пунктом, большим портом на Волге.

Кинешма, и в особенности ее окрестности, славятся своей красотой.

Наш великий русский драматург А. Н. Островский очень любил Кинешму. В его дневниках есть такая запись:

«Что за реки, что за горы, что за леса! Тут недалеко течет Мера (она впадает в Волгу недалеко от Кинешмы), что это за удивительная река! Если бы этот уезд (Кинешемский) был подле Москвы или Петербурга, он бы давно превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии, Италии...».

Недалеко от Кинешмы у Островского было имение Щельково, куда он приезжал рано весной и уезжал поздно осенью. В Щелькове Островский и скончался; могила его находится в с. Николо-Бережки в 2 километрах от усадьбы Щельково.

Из Щелькова он часто выезжал в Кинешму, был здесь почетным мировым судьей, увлекался общественной деятельностью. Шумный город с пристанями, компаниями судовладельцев, лесопромышленников обогащал творчество Островского драматургическим материалом, сюжетами. Много он здесь подметил лиц, которые послужили ему прототипами. На материале Кинешмы написана «Бесприданница». Недаром кино-

картину того же названия снимали в Кинешме, в местах, обрисованных драматургом.

Купеческий быт Островский узнал по Замоскворечью, быт же дворян, народа драматург изучал в Кинешемском уезде.

В то время около Кинешмы было много скудеющих и оскудевших дворянских гнезд. Типы помещицы Гурмыжской, купца лесопромышленника из пьесы «Лес» несомненно подмечены Островским в этих местах. Здесь все овеяно светлой памятью великого драматурга. Кинешемский городской театр носит его имя.

В Кинешме родился и провел свои детские и отроческие годы писатель А. А. Потехин, автор многих пьес, повестей, романов. Кинешме он посвятил значительные очерки: «Уездный городок Кинешма», «Путь по Волге», «Игры и забавы в городке». В кинешемском реальном училище учился и окончил его Дм. Фурманов.

После Великой Октябрьской социалистической революции Кинешма экономически и культурно выросла так значительно, что стала вторым по значению городом после центра области г. Иванова.

Наш земляк — писатель А. Потехин в очерке «Уездный городок Кинешма», напечатанном в 1854 г., восторгается живописнейшими окрестностями своего родного городка, подробно описывает большую осен-

ную ярмарку и сообщает, что в нем тогда было всего-навсего только три тысячи жителей.

Теперь — это город, численность населения которого приближается к сотне тысяч. Он растянулся по горному берегу Волги на семь километров. Красновожская мануфактура, фабрики имени Демьяна Бедного вошли после Великой Октябрьской социалистической революции в городскую черту. Эти крупные текстильные предприятия находятся в трех-четыре километрах от центра Кинешмы. До революции рабочие районы отделялись от города чиновников, парходчиков, рестораторов и торговцев обширными полями. За годы революции эти поля застроены улицами многоквартирных домов, рабочими поселками, школами, детскими учреждениями. Рабочие районы Красновожской мануфактуры и фабрик имени Д. Бедного вплотную подошли к городу и слились с ним.

Но Кинешма не уместилась целиком на своем высоком берегу. Она как бы переступила через широкую Волгу на луговую сторону и там еще разместила фабрики, химические заводы, рабочие и дачные поселки вплоть до самого сельца Солдоги, от которого начинается уже территория соседнего Наволокского района.

В Кинешме находится одна из старейших в нашей стране фабрик — фабрика фибры, завод «Электроуголь». Они снабжают нашу промышленность редкой и потому особенно ценной продукцией. Есть

еще керамический, металлургический и лесообрабатывающий заводы.

В годы сталинских пятилеток в городе на самом берегу Волги выстроен большой элеватор. Он стоит в соседстве с мощными механическими мельницами, работающими круглый год дено и ношно.

Не перечислить всех знатных людей этого крупного волжского города. Их много и на предприятиях текстильной, и химической, и мукомольной, и металлургической промышленности, их много среди кинешемских водников, железнодорожников, работников артелей местной промышленности, учителей и т. д.

Кинешма славится не только промышленностью, но и учебными заведениями. Кроме обширной и густой сети начальных и средних школ, здесь имеются текстильный, химический, промышленно-экономический, педагогический техникумы, школа народного комиссариата связи, ремесленное училище, несколько школ фабрично-заводского обучения.

В Кинешме издается газета «Приволжская правда», одна из старейших в нашей области газет; работают краеведческий музей, городская библиотека с огромными книжными фондами, товарищество художников, которое нередко устраивает выставки новых картин местных художников.

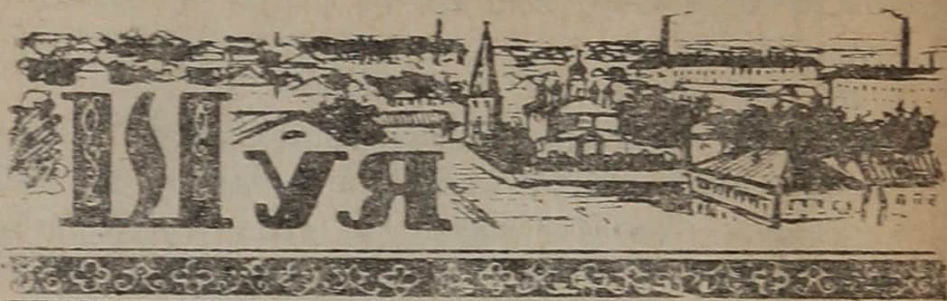
С вокзала этого города ежедневно отправляется поезд Кинешма—Москва. Сотни кинешемцев, юрьевчан,

пучежан и других волгарей он увозит в областной центр — г. Иваново и в славную столицу нашего великого государства.

Летом к речному вокзалу приваливают каждый день пароходы и везут отсюда в низовья и верховья Волги множество пассажиров и тонн груза. Часто можно видеть здесь и новейшие пароходы-красавцы, совершающие прямые рейсы по каналу Москва—Волга между столицей и волжскими и камскими городами.

Кинешма — город текстиля, химии, мукомолья, волжский порт нашей области, связывающий ее с сызранской и бакинской нефтью, с хлопком Средней Азии, с рыбными богатствами Каспия.

Положение Кинешмы на берегу величайшей водной артерии великой русской равнины, ее прямая железнодорожная связь с центром области и Москвой сулят этому городу большие перспективы экономического и культурного развития.

Город расположен на взгорье левого берега Тезы и оттого, очевидно, название ему дано — Шуя, что по-славянски значит — левая.

В 1549 г. для казанского ханства, этого последнего разбойничьего гнезда, оставшегося после варварской Золотой Орды, пришел окончательный час расплаты.

Иван Грозный пошел на ханскую Казань войной, чтобы положить конец грабительским набегам на Русь, которая уже в то время становилась могучей силой в мире.

Шуяне выставили для этого похода «Яртольный» полк, что означает передовой полк яростной битвы.

У шуян с казанским ханом были свои особые счёты. Сердца их жгла святая ненависть. Дело в том, что десятилетием раньше — в 1539 г. казанский хан Сафа-Гирей напал на Шую и предал ее страшному разорению.

При штурме Казани шуяне бились яростно. Память

о недавних страданиях родной Шуи придавала им особенные силы.

Даты возникновения большинства наших городов невозможно установить. Известно, что множество летописных работ и древнейших документов погибло в огне Батыева нашествия и последующих периодических набегов больших и малых ханов и ханских отпрысков. Под 1539 г. Шуя впервые упоминается в связи с грабительским набегом Сафа-Гирея, как довольно значительный по тому времени город. Но еще за столетие до этого упоминания известно одно поколение князей суздальских, которые стали носить звание Шуйских. Из их рода вышел царь Василий Шуйский.

Если не город, то поселение, несомненно, существовало здесь с древних времен.

Шуя являлась важным стратегическим пунктом и была обнесена глубоким рвом, высоким земляным валом и дубовым тыном на нем. Из Шуи *был очень удобный «струговой ход» по Тезе, Клязьме, Оке, на Волгу — во все поволжские города.

О Тезе, на которой стоит Шуя, этой небольшой, но судоходной и очень красивой реке, мало кто знает. Между тем за все время русской истории до проведения железных дорог она являлась очень важным водным путем.

Река Теза берет свое начало в 12 километрах от Волги, из Козловского болота, недалеко от г. Плес.

Протекает она на протяжении 160 верст и впадает в Клязьму недалеко от Южи.

В Тезу текут известные и неизвестные реки нашей области: Нозога, Вондога, Лемешок, Молохта, Сеха, Тюних, Сальна, Посна, Парша, Мардас, Внучка, Люлах.

В древних актах есть такая пометка:

«Русло реки имеет много окаменелых (ископаемых) вещей и дубовых дерев. По берегам реки есть железные и чугунные руды».

В экономической жизни шуйской округи эта река играла немаловажную роль.

Почему польские паны, пришедшие в Москву вместе с самозванцем, бросились грабить не на юг, не на восток и не куда-либо в другие места, а именно в северное Замосковье? Почему кипели такие яростные битвы с жадными шайками головорезов Лисовского, Комаровского, Сапеги — вокруг Кинешмы, Юрьевца, Решмы, Луха, Дунилова, Шуи?.. Суть в том, что этот край в те времена был очень развитым в промышленном отношении, густонаселенным и богатым, где грабители и надеялись найти крупную поживу. Здесь были развиты, кажется, все ремесла, доставляющие все необходимое для жизни человека: тканье холста, выделка сукон, кож, овчин, плетение корзин, производство колес, телег, саней, сбури и т. д.

Крепко бытовали в народе и художественные ремесла: иконописание, вышивка, вязание кружев...

Издревле здесь формировался человек ловкий, бойкий, рукодельный...

Шайки польских панов нашли здесь богатую поживу, но унести ничего не смогли. Ремесленно-крестьянский люд этого края проявил исключительную стойкость и умение защитить себя. В своей верности родине он не пошатнулся ни на одну минуту. Объединившись под руководством своих вождей из тех же крестьян, ремесленников и посадских людей, он дал такой отпор, что шайки иноземных грабителей почти целиком были истреблены.

Знаменитый русский полководец Д. М. Пожарский был тесно связан с Шуей. В здешней округе ему принадлежали села Курьяново, Кудряково и др. В городе он имел собственный «осадный», т. е. освобожденный от платежа податей двор.

Шуя хорошо была известна Петру I. Село Дунилово, в 17 километрах от города, принадлежало его тестю Лопухину. В маленьком монастырьке, что в километре от села, некоторое время проживала первая жена Петра — Евдокия Лопухина.

Великий заботник об отечестве, он собирал Россию, вел победоносные войны за исконно русские земли. Для армии нужна была кожа, ремни, овчины. Шуя во множестве поставляла их. В то время в городе было 16 кожевенных заводов, 7 скорняжных, 14 сыромятных.

кр 21.832

В 1702 г. шуяне сняли с колоколен соборов, монастырских и приходских церквей колокола и отправили их в Москву на литье пушек, чтобы молодой петровой армии было чем воевать.

В 1722 г. Петр побывал в Шуе, осмотрел кожевенные заводы, интересовался судоходством на Тезе и приказал завести на реке шлюзовое хозяйство. Он, знакомый почти со всяким мастерством, видел многие ремесла на родине и за границей, делал сравнения, прикидывал так и сяк и старался все улучшить. В Шуе он увидел, что кожевники работают по-старинке — трудно, хлопотно и непроизводительно. Нужно было двинуть кожевенное дело вперед, и он распорядился двух шуйских кожевников, наиболее смекалистых и дошлых, Ламанова и Подшивалова, отправить в Москву «к мастерам иноземцам к науке кожевенного дела», чтоб они поучились там выделывать кожи «новым манером».

Петр заметил еще — шуяне, выделывая кожи, шерсть со шкур снимают, как это полагается, и бросают ее.

Какая бесхозяйственность! Какая непрактичная расточительность. Сколько добра пропадает. Ведь следует эту шерсть не выбрасывать, а собирать и валять из нее войлок.

После его отъезда в Шую пришли специальные царские указы об отсылке в ученье, в Москву, двух

кожевников, использовании отходов шерсти и о шлязах на Тезе.

В августе и сентябре 1738 г. жила в Шуе дочь Петра — Елизавета. Цель ее посещения города неизвестна. Вероятно, это была увеселительная прогулка во владения своих близких родственников Лопухиных. В тот период своей жизни Елизавета была молода, стройна, ловка и несколько раз здесь ездила на охоту. В то время окрестности Шуи шумели лесами, в них водилось много дичи, лесного зверья, на шуйском базаре продавались в большом числе шкурки куниц и бобров.

Встарину в Шуе очень было развито мыловарение. В петровские времена здесь было одиннадцать мыловаренных заведений, и принадлежали они Тебрикову, Никифорову, Дохову, Демину, Лисину, Воинову, Коверину, Носову, Конькову, Шигину, Гневышеву. Шуя снабжала тогда мылом значительную часть России, сюда приезжали за этим товаром купцы из ближних и дальних городов.

В стародавние годы каждый город имел свой герб. На городском гербе Шуи, как знак основной ее промышленности, красовалось изображение куска мыла.

В городе и особенно в окружающих селах и деревнях было развито льняное ручное ткачество.

На базе прядильно-ткацкого кустарного промысла в XVIII в. возникли в городе большие полотняные ману-

фактуры. С упадком полотняного производства в XIX в. в Шуе появились бумаготкацкие отделочные фабрики.

В настоящее время Шуя — третий по величине и промышленному значению город нашей области. В городе много фабрик, заводов, артелей местной промышленности.

Рабочие города Шуи являются хранителями богатейших революционных традиций.

Многие старые шуйские рабочие долгое время жили бок о бок с Михаилом Васильевичем Фрунзе, другие часто встречались с ним. Шуяне хранят о нем самые светлые воспоминания. В городе и его окрестных селениях ходит много былей и легенд о его исключительной преданности делу народа, революционной устремленности, стойкости, безграничной смелости.

М. В. Фрунзе в течение двух лет (1905—1907) вел огромную революционную работу, организовал и руководил стачкой, которая охватила тогда весь Иваново-Вознесенский район с громадным числом рабочих. В конце августа 1917 г. он прямо с западного фронта прибыл в город Шую, как в свой родной дом. За два месяца до Великой Октябрьской социалистической революции вся власть в городе и его окрестностях была фактически уже в руках Советов, руководимых М. В. Фрунзе.

Как память об этих незабываемых днях, в Шуе организован музей им. М. В. Фрунзе.

На Советской улице высится бронзовая фигура молодого человека в пиджаке рабочего. Это памятник «Арсению», Михаилу Васильевичу, того периода его жизни, когда он руководил революционным движением в Шуе. Не только памятник, но и многие места, уголки города, связанные с именем великого революционера, напоминают о нем; вот он здесь проводил митинги, здесь скрывался от полиции, в этом домике он устраивал подпольные собрания, а в этом был арестован.

Шуяне гордятся своим городским театром, сильным творческим коллективом его. Театр организован по указанию М. В. Фрунзе в 1918 г. в одном из лучших зданий города.

Советская Шуя — один из самых значительных культурных центров области. Здесь много школ, техникумов, учительский институт. В городе выстроен большой красивый кинотеатр «Родина». В том районе, где высится корпуса объединенной мануфактуры, фабрики «Шуйский пролетарий», Ново-Тезинской фабрики, — несколько клубов и кинотеатров.

Кроме текстильных изделий, Шуя дает валенки, мыло, бумагу, мебель, горшки, трикотаж, одежду. Все это вырабатывают промысловые артели горпромкомбината.

Видное место в ряду предприятий советской музыкальной промышленности занимает Шуйская гармонная фабрика. Шуйская гармоника пользуется большой по-

пулярностью даже в самых отдаленных уголках нашей необъятной страны. В годы Великой Отечественной войны особенно ее любили воины Красной Армии. В адрес гармонной фабрики они присылали множество писем, в которых высоко оценивали качество инструментов. Крепко сработаны шуйские гармоники. Туманы, дожди, морозы не расклеили их, не обезголосили. Славно разливались они в руках армейских гармонистов, услаждая отдых бойцов. Любя и оберегая эти гармоники, советские солдаты, проделав огромный боевой путь, донесли их до Германии.

Поверженные немецкие города слышали замысловатые переборы шуйской гармоники, удалые и веселые звуки ее, в которые русский воин-победитель вкладывал свое ликующее настроение.

Не перечислить всех воинов-шуйян, подвигами и героизмом прославивших свои имена на фронтах Великой Отечественной войны. Много в Шуе знатных людей, которые отличились и в повседневных делах мирного труда.

Славная история Шуи — одного из больших и старейших городов нашей области — обязывает шуйян всегда и во всем высоко поддерживать честь своего города и свято хранить его исторические и революционные традиции.

В истории этого города не найдешь летописных заметок о том, что в какой-нибудь год седой давности приехал сюда такой-то великий князь, увидел «место зело пречудно» и «повеле рубити град и осыпа его спом» (земляным валом).

Нет, основание этому городу положили русские крестьяне.

Жили они в деревнях Бонячки, Верховинка, Бисериха, Горки, селах — Новая Гольчиха, Тезино, пахали землю, а зимним временем в своих избах на ручных станках ткали холсты. Были они тогда все крепостными и ходили к помещикам на барщину или платили им оброк.

Все деревни и села, вся эта сторона звалась Вичугой, по имени небольшой речки, протекающей здесь.

В одном справочнике столетней давности сказано: «Вичуга помещичье, весьма богатое и промышленное село Кинешемского уезда. Многие из крестьян его

имеют огромные капиталы и записаны в гильдии». Вот для примера жизненный путь одного из этих «крестьян».

В деревне Бонячки жил крепостной, платил оброк помещику Хрущову, пахал землю и занимался отхожим промыслом. Он был коновал, бродил из деревни в деревню, валил коней, кастрировал их. Бродячий образ жизни, постоянное пребывание среди народа наделили его богатым житейским опытом, расторопностью и необыкновенной сметкой. Он обладал всеми физическими качествами, необходимыми для его профессии: был очень силен, высок, широкоплеч.

Известно, что в год наполеоновского нашествия погибли текстильные заведения столицы и южного Подмосковья.

Прядильный, сновальный, ткацкий, красильный промыслы, развитые среди крестьянства в районах теперешней Ивановской области, приобрели особенное значение.

Местность эта стала тогда главным средоточием начавшегося здесь производства бумажных тканей. Спрос на них после нашествия «двунадесяти языков» был необычайно велик.

Бродячий коновал подметил сразу, что ткацкое дело в этот момент может принести огромную выгоду. Он бросил малоодоходное коновальство, стал скупать пряжу, основы и раздавать их крестьянам. Те ткали в

своих избах на своих деревянных станках миткаль и сдавали его раздатчику.

Скупка и раздача пряжи приносила такие барыши, что коновал вскоре поставил несколько ткацких светелок, сновальню, красильню и за две с половиной тысячи откупился у помещика на волю. Необычайной изворотливостью, знанием запросов потребителя интересен характер его деятельности. Он постоянно учитывал требования рынка и первым умел преподнести новинку.

Из Китая была завезена одна интересная ткань. Коновалов нашел образец и стал первым выпускать «китайку». Через несколько лет его обозы с «китайкой» ходили уже на все ярмарки центральной России, Украины и Сибири.

Слава об удачливом коновале пошла по всему северу страны. В романе Мельникова-Печерского «В лесах» один старообрядец рассказывает: «Да вот к примеру хоть Вичугу взять. Выискался смышленный человек с достатком, нашего согласия был, по древнему благочестию, Коноваловым прозывался, завел небольшое ткацкое заведение, с легкой его руки дело и пошло да пошло».

Разбогатеv, Коновалов купил у своего бывшего барина землю и усадьбу. В барской усадьбе он не захотел жить. Все напоминало крепостное прошлое: тут пороли его прадедов, дедов, отца, сюда он сам ходил

когда-то униженно кланяться и слезно просить. Осмотрев дом, его обширные комнаты и залы, он нашел, что эти хоромы очень хороши будут для сушилки. Для жилья он себе поставил трехэтажный особняк по своему купеческому вкусу.

Его преемник унаследовал все характерные черты своего отца — изворотливость, ловкость, поразительную хватку. Он скупил у помещиков 193 лесные дачи с 12 тысячами десятин леса, лугов и стал самым крупным землевладельцем в губернии. Отец «ворочал» сотнями тысяч, сын — миллионами. В пятидесятых годах прошлого столетия на Одесском рынке промелькнуло «американское полотно». Практичное, дешевое, оно приглянулось потребителю. Коновалов «подметил» и вскоре завалил рынок «американским полотном», известным у нас под названием бязи.

Еще у первого Коновалова, основателя фирмы, нашлось в Вичуге много последователей: Разореновы, Кокорева, Миндовские, Морокины, Клюшниковы... Они были менее удачливы, прошли может быть менее яркий, но такой же крутой путь обогащения — от крепостных мужиков до «миллионщиков». Они также покупали бумажную пряжу, разматывали ее, приводили в своих заведениях в форму утка и основы и затем раздавали по деревням для тканья. Крестьянин с семьей ткал, забирал у хозяина вперед рубли и трешны, но долго, иногда в течение целого года, не знал — «по-

чем» заплатят ему за труд. Хозяева себя не обижали, платили, сколько заблагорассудится, и на даровом труде крестьян-ткачей обогащались головокружительно быстро.

С появлением в России паровых двигателей и механических ткацких станков вичужские фабриканты начали ставить каменные корпуса, выписывать новейшие машины. Здесь совершенно не было высококвалифицированной рабочей силы, но это не смущало их.

На предприятиях вичужских фабрикантов работали тысячи крестьян из окрестных деревень. Немногие из них порывали связь с землей, переселяясь в фабричные казармы или перетаскивая к фабрикам свои домишки. Большинство оставалось жить в деревнях. Кое-как между сменами эти ткачи из деревни обрабатывали свои полоски. Зимой и осенью еще задолго до гудка, в глухую полночь, они поднимались с постелей и в грязь, в холод, в пургу тащились к фабрикам со всех сторон.

Чтобы иметь хоть некоторое представление о быте Вичуги периода становления и развития в ней фабричного производства, надо прочитать романы А. Потехина «Около денег», «Молодые побеги» и его очерки о рабочих подростках.

Отец Потехина служил казначеем уездного суда в г. Кинешме и владел хутором Орехово в десяти километрах от Вичуги. Сын его, писатель А. А. Потехин,

провел значительную часть своей жизни в Орехове. Здесь он бывал каждое лето, а в некоторые периоды жизни проводил целые годы.

Писатель зорко присматривался к этой шумной многообразной жизни и на этом обильном материале строил романы, повести и пьесы.

В романе «Молодые побег» под фамилией Кошатниковых он обрисовал семейство фабрикантов Коноваловых. Сюжетом для романа «Около денег», пожалуй, самой удачной вещи в творчестве Потехина, послужило, по словам старожилов, подлинное вичужское событие.

Селение Бонячки, которое в настоящее время является центром города, полстолетия тому назад представляло собой «довольно узкую сорную улицу, в начале которой расположено до 20 крестьянских дворов, а затем с левой стороны три дома местных фабрикантов, с лежащими за ними фабриками, а по правой — сады владельцев фабрик».

Сразу же за фабричными заборами в осенние дни курились овины, стучали цепи, белели ометы соломы.

Такой выглядела Вичуга в дореволюционные годы.

После Великой Октябрьской социалистической революции Вичуга расширилась, стала более людной и оживленной.

6 июля 1925 г. постановлением ВЦИК был образован город Вичуга путем соединения обширных фабрич-

ных сел — Бонячек, Тезина и Новой Гольчихи и деревень — Верховинка, Бисериха, Горки, Рахманиха, Черняиха и др.

Вместе с ростом нашей страны рос и развивался новый город. Количество населения увеличилось больше, чем вдвое. Было выстроено 98 многоквартирных жилых домов, шесть школ, три детских сада, хлебозавод, пожарное депо и т. д. На прежних пустырях, свободных земельных участках выросли огромные рабочие поселки. В городе появились правильные кварталы и улицы. С 1935 по 1940 гг. только на жилищное строительство в новом городе было израсходовано свыше 15 миллионов рублей.

В городе три крупных текстильных комбината. За годы революции проведена очень большая работа по реконструкции и оснащению их новым оборудованием. Новые больничные корпуса, детские консультации, молочные кухни, детские амбулатории, много детских яслей и детских садов были выстроены и оборудованы в городе.

Вичуга имеет прекрасных, замечательных людей, имена которых широко известны. За упорный труд на благо Родины, за трудовую доблесть многие из них удостоены высоких правительственных наград.

Вичуга — родина стахановского движения в текстильной промышленности. Участок ткачих Виноградовых на фабрике им. Ногина, поднявших знамя стаха-

новского движения в текстиле, до сих пор известен как один из самых передовых. Не одна последовательница их прославила здесь свое имя.

Вичуга славится не только героическими труженниками тыла, мастерами добротной ткани, но и героизмом своих сынов, посланных ею защищать свободный социалистический труд, честь, независимость и великое будущее Родины.

Храбро сражались вичужане на фронтах Великой Отечественной войны. Многие десятки их за героические дела, подвиги, за упорство и стойкость в боях награждены орденами и медалями, а М. Николаев, И. В. Башарин, И. М. Бойцов удостоены звания Героев Советского Союза.

В дореволюционные годы сельское хозяйство района находилось в страшном упадке. Поля, заросшие кустами, пустыри, плохо обработанные полоски тянулись на десятки верст.

Теперь Вичужский район — один из передовых районов области. Вичужские колхозники старательно обрабатывают поля, во-время проводят уборку, снимают хорошие урожаи, разделяют под пашню все новые и новые участки земли, увеличивая посевные площади. Особенно больших успехов добился район в развитии животноводства. Колхозы «Путь Ленина», имени Жданова, «Красное Поволжье» являются крепкими хозяйственными организациями, известными на всю область.

Говорят, что в далекие-далекие времена это селение таилось в дремучих лесах, было расположено в потаенном месте и потому звалось Тайково. Потом для удобства произношения его стали называть Тейково.

Начало развития ткацкого промысла в нашей области уходит своими корнями в глубокую старину. В Тейкове; например, три столетия назад имелись уже красильные заведения, владельцы которых сбывали свой товар у Макария (знаменитая Нижегородская ярмарка называлась сперва Макарьевской, так как проходила на территории Макарьевско-Желтоводского монастыря) и закупали там краски и другие материалы, необходимые для отделки тканей.

Об этом говорит любопытная челобитная, которую посылали «шуйне, посацкие люди Якушко Федоров сын, Голятин, да Лучка Андреев» царю Алексею Михайловичу:

«...были мы сироты твои у Макарья на ярмонке, для своего промыслишку стругом; и положили у нас, сирот твоих, наклад на струг товару—воску, и шелку, и краски села Тейкова стольника князя Василия Петровича Прозоровского, крестьяне ево Григорей, Антипьев сын, да Иван, Дмитрев сын, а в том мы, сироты твои, в кладовом товаре, дали на себя кладовую запись, за своими руками, в том, что та поклажа вести нам, сиротам твоим, от Макария с ярмонки реками судном до Шуи. А на том, государь, нашем стругу, по их сказке положено было, — в тючке связано за их григорьев и ивановою печатью, — по их сказке, шелку и краски на сорок на семь рублей с полтиною (рубель 2-й пол. XVII в.=17 р. зол.), да воску по кладовой записи, пять пуд. И в нынешнем, государь, 1672 году, июля против 9 числа, как я сирота твой Лучка, будучи меж черные и ниж Дудина монастыря на Оке-реке и тот наш струг разбойники разбили и ту их поклажу отняли»....

Этот документ проливает яркий свет на тогдашнее экономическое положение наших родных мест и доказывает, что по Тезе, Клязьме — Оке проходил оживленный торговый путь и что в Шуе были какие-то компании судовладельцев, которые принимали по всем правилам товары для перевозки, выдавая на них закладные. Услугами этих шуйских судовладельцев пользовались, оказывается, тейковские предприниматели.

Тейково, благодаря красильному промыслу, было далеко известным, большим и богатым селом.

В 1628—30 гг. одна часть Тейкова числилась «за вдовою за княжной Авдотьей князь Григорьевой женою Тюфякина», другая—«за стряпчим хлебного дворца, за Федором Ивановым Босовым». От княжей вдовы Тюфякиной и царского хлебопека Босова Тейково отошло во владение князей Прозоровских, а от них к князьям Вяземским, потом было в руках помещиков Татищевых, Олсуфьевых, но все эти хозяева не оставили заметного следа в жизни Тейкова.

В 1771 г. из-за чумы, свирепствовавшей в Москве, в Тейково возвратился один крепостной человек. Мальчиком он был отдан в Москву на выучку, работал там каретником, посылая помещику оброк. Профессия каретника давала ему возможность жить безбедно и откладывать на черный день.

Вернувшись в Тейково, он присмотрелся к ткацкому и красильному промыслам и сообразил, что это дело может дать больше, чем производство карет: кареты ведь нужны были только небольшому кругу господ, а ткани — миллионам народа. Каретник обосновался в Тейкове, построил небольшую бумаготкацкую фабрику, а потом ситценабивную. Так положено было начало текстильной фирме Каретниковых. После 1812 г. Каретниковы стали быстро богатеть и расширять производство.

Фабриканты Каретниковы одни из первых во всей тогдашней Владимирской губернии в 1840 г. установили паровой двигатель в 35 лошадиных сил.

В 1851 г. фабрика состояла из 20 каменных и 15 деревянных строений, в 1897 г. представляла уже большое предприятие. Четыре тысячи рабочих на 1600 станках вырабатывали в год 700 тысяч кусков ткани, на 47 тысячах веретен — 146 тысяч пудов пряжи, на ситценабивных машинах отделявали 455 тысяч кусков ситца и других тканей.

Тяжела, скудна, безрадостна была жизнь рабочих на фабрике Каретниковых: неимоверно длинный рабочий день, низкие заработки, штрафы. Штрафовали здесь без конца, по всякому поводу. Официально отмечено, что в некоторых случаях штрафные суммы, накопившиеся за месяц, превышали заработок за тот же срок.

На фабрике широко применялся детский труд, работали даже малыши. Вставать нужно было очень рано. Измотанных, невыспавшихся детей трудно было поднять с постелей и заставить идти, поэтому родители на фабрику носили их на руках.

С весны 1895 г. новый управляющий фабрикой Кроше ввел еще более жестокий режим. Он довел притеснения до предела; 150 рабочих, чем-то не приглянувшихся ему, выбросил за ворота. На фабрике начались волнения.

Утром 4 мая к хозяину пришли уполномоченные от рабочих, чтобы заявить протест против действий директора, но фабриканта дома не оказалось. На другой день на фабрику приехал фабричный инспектор. Рабочие подступили к нему и потребовали убрать с фабрики директора Кроше, урядника Гадалова и хожалого Кривенкова по прозвищу «Заворуй».

В это время в кабинет директора явилась гувернантка и принесла коробку из-под сигар, на дне которой, как после выяснилось, лежал револьвер. Кроше сунул его в карман и направился из конторы домой.

Тут раздался чей-то голос:

— А вот и директор идет.

Рабочие подались к нему. Намерения их были совершенно мирные, они только хотели поговорить с ним с глазу на глаз, но директор страшно испугался, вбежал на террасу и стал стрелять в толпу. Было ранено несколько человек. Такого оборота дела никто не ожидал. Крайнее возмущение охватило рабочих — в окна полетели камни и палки. Безоружный рабочий Кулешов, прикрываясь доской, как щитом, пошел в дом, но на повороте лестницы был убит наповал. Убийство Кулешова окончательно взорвало рабочих. Не страшась револьвера, они взбежали по высокой лестнице и сбросили Кроше с террасы вниз.

Этот акт мести был вызван самим палачом — ди-

ректором, однако же рабочие понесли тяжкую кару — 57 из них царским правительством были осуждены на каторгу и приговорены к разным срокам тюремного заключения. Это событие произвело на рабочих огромное впечатление, и весть о нем прошла по всем рабочим городам и поселкам.

Тейковские текстильщики упорно и стойко боролись за свои права в темные времена царизма. Они храбро и отважно защищали свободу, честь и независимость своей Родины на фронтах Великой Отечественной войны, били немцев яростно и беспощадно. 169 воинов из Тейкова прославили свои имена на полях грандиозных сражений. Алексей Козловский имеет четыре ордена, Николай Степанов — три, Борис Крижкин — два. Из семьи рабочего Тейковского комбината Тихонова за доблесть и героизм награждены два сына и дочь. А капитану Дельцову и гвардии лейтенанту Горелову присвоено звание Героя Советского Союза.

В годы обновленной жизни совершенно изменился облик Тейкова. До революции это было грязное фабричное село Шуйского уезда. В 1918 г. оно было преобразовано в уездный город Иваново-Вознесенской губернии, а теперь это крупный районный центр нашей области.

В Тейкове много знатных людей, которые отличились на трудовом фронте и удостоены правительственных наград. Учительница Ковыляева награждена ор-

деном Ленина, механик Левский — орденом «Трудового красного знамени».

А. Я. Титовой, родившей и воспитавшей 13 детей, присвоено звание матери-героини.

Тейковский текстильный комбинат в 1944 году дважды завоевывал первое место во Всесоюзном соревновании текстильщиков. Тейковскому торфопредприятию не раз вручались переходящие Красные знамена обкома ВКП(б), ВЦСПС, Наркомата электростанций за успехи в торфодобыче.

Тейковцы любят литературу, в особенности поэзию. До войны здесь была значительная группа молодых поэтов. Отец и сын Зайцевы писали большой роман «Бархатная книга». В нем они изображали жизнь тейковских ткачей и красильщиков периода первоначального становления текстильной промышленности. Первые главы этого романа были напечатаны в «Ивановском альманахе».

В названии этого города есть какое-то животворящее начало.

Писателя нашей области Ефима Вихрева оно вдохновило на цикл новелл о своем детстве, тесно связанном с этими местами.

«Я иногда вижу с крыльца за далеким лесом облачко дыма. Это и есть Родники. Иногда слышен бывает далекий-далекий гудок: это и есть Родники».

Объединяя цикл автобиографических новелл общим названием Родники, он говорит о незабываемых впечатлениях детства, этих «самых чистых родниках жизни».

В складках широких лугов здесь встарину били чистые, обильные светлой водой родники. Оттого село, выстроившееся в этих местах, и получило название — Родники.

Теперь об этих, бьющих из-под земли, ключах осталось одно воспоминание. Они превращены в ко-

подцы или пруды, питающие водой огромный текстильный комбинат. В XVIII столетии в селе получила широкое развитие ручная выработка льняных тканей. Камлот, пестрядку, холстинку родниковцы сбывали в соседнем селе Парском, на ивановской ярмарке.

Село Парское, что в двенадцати километрах от Родников, славилось прежде на всю Россию производством гребней и большой ивановской ярмаркой, на которой сбывалось огромное количество ручных текстильных изделий.

Целую эпоху в истории Родников составило не приметное казалось бы на первых порах событие.

После Отечественной войны 1812 г., когда спрос на текстильные товары очень возрос, крепостной крестьянин села Родников, дедушка Григорий, поставил небольшое красильное заведение. Его прозвали красильщиком. Он производил так называемое гладкое крашение; в чанах и барочках красил ткани в один какой-либо цвет. Это было дело более легкое, чем набойка, узорная, разноцветная окраска ситцев, но, видимо, не менее выгодное. Дедушка Григорий быстро разбогател и положил начало огромному предприятию. От него пошел род фабрикантов Красильщиковых.

В XIX в. в Родниках было четыре хлопчатобумажных предприятия Красильщиковых, из которых три разорились, а одно разрослось, расширилось, стало текстильным гигантом с десятью тысячами рабочих,

со своими подсобными заводами, лесными дачами, со своей железнодорожной веткой.

Мелкие и скаредные предприниматели часто в погоне за копейкой упустили рубли.

В отличие от них наиболее способные наследники дедушки Григория вели дело крупно, с размахом. Они предпочитали хватать миллионы на рынках сбыта, чем драть штрафные пяточки. Они великолепно учитывали то бесспорное положение, что обиженный штрафом рабочий может в тот же день напортить хозяину на рубль, и умели эксплуатировать не только физическую силу рабочего, но и его ум, сметку, всю разностороннюю талантливость русского человека.

«В основу дела мы положили глубокое убеждение во всестороннем преимуществе грамотного и развитого рабочего сравнительно с рабочим безграмотным или малограмотным», — писал в свое время один из руководителей этой фирмы.

«С этой целью мы завели целую сеть школ в Родниках, близлежащих и даже отдаленных деревнях. Все ученики этих школ приходят потом к нам на фабрику.

Но простая грамотность еще недостаточна для вполне толкового и добросовестного отношения к порученной работе, так как для этого каждому специалисту рабочему необходимо дать, кроме общего образования, возможность ознакомиться с самой теорией

его специальности. Для этого мы создали при фабрике ряд технических курсов».

Но, рабочие, научившись овладевать знаниями, не останавливались только на одном знакомстве с теорией своей специальности. Они занимались самообразованием, стараясь знать, как можно больше.

Николай Шагов, парень из деревни Клинцово, работая в Родниках, так «образовался», овладел самостоятельно и с помощью друзей такими широкими политическими знаниями, что потом успешно руководил одно время революционным движением в Родниках и Вичуге. Он был членом социал-демократической фракции большевиков Государственной думы.

Летом 1914 г. забастовали рабочие Вичужского, Родниковского, Кинешемского районов, густо насыщенных текстильными предприятиями. Они удачно выбрали время своей борьбы. В этот период фабриканты усиленно заготовляли товар для Нижегородской ярмарки. Забастовка срывала самые главные годовые сделки фабрикантов.

В начале лета по окончании думской сессии в эти районы приехал депутат большевик Шагов, чтобы поддержать забастовку текстильщиков. Он горячо советовал своим избирателям усилить борьбу и не сдаваться на уговоры предпринимателей.

Он объезжал все фабрики районов забастовки, выступал на массовых собраниях рабочих в лесах, на

подпольных собраниях. Полицейские и шпики следили за каждым его движением. Забастовка, продолжавшаяся в течение всей первой половины лета 1914 г., показала исключительную стойкость и организованность рабочих и вынудила предпринимателей пойти на значительные уступки.

В память о нем вичужане его именем назвали один текстильный комбинат, родниковцы гордятся Шаговым как лучшим своим сыном. Н. М. Шагов похоронен в Родниках. Над его могилой поставлен небольшой обелиск.

Для устранения забастовок и «брожений» фабриканты Красильщиковы принимали меры к тому, чтобы рабочие не концентрировались в казармах и поселках. Каждый день отходило к деревням несколько поездов, в которых рабочие приезжали на работу и уезжали домой. Поэтому Родники были небольшим селом Парской волости Юрьевецкого уезда: огромная фабрика, дома для служащих и сотни две одноэтажных домиков, составлявших несколько коротких улиц.

Великая Октябрьская социалистическая революция оживила Родники. В 1924 г. фабричное село было преобразовано в город. За годы Советской власти Родники преобразились неузнаваемо. Здесь был выстроен большой рабочий поселок, в котором проживает сейчас до пятисот семейств, шесть больших домов — в каждом из них от 24 до 56 квартир.

Выстроены поликлиника, тубдиспансер, хлебокомбинат, прачечный комбинат, три больших школы, несколько детских садов и яслей, летний театр. Бывшая фабрика Красильщиковых — теперь комбинат «Большевик» — представляет собой одно из самых мощных текстильных предприятий нашей области. Родниковские текстильщики за годы сталинских пятилеток и Великой Отечественной войны добились значительных успехов и явили много образцов стахановского труда.

Многие родниковские ткачихи, награжденные Орденом Ленина, вместе с вичужскими ткачихами Виноградовыми были передовиками стахановского движения в текстиле.

Много знатных текстильщиков выдвинулось из среды рабочих комбината «Большевик». Двадцать пять из них награждены орденами и медалями. А в январе 1944 г. комбинат, весь его многотысячный коллектив рабочих и служащих, за успехи в выпуске тканей для Красной Армии награжден Орденом Ленина.

Много замечательных людей живет и работает в Родниках.

Учительница математики средней школы № 2 М. А. Жукова награждена орденом «Знак почета», заведующая Парской начальной школой З. А. Камойданова орденом Трудового Красного Знамени, военрук средней школы № 2 Н. В. Шляпников медалью «За трудовую доблесть».

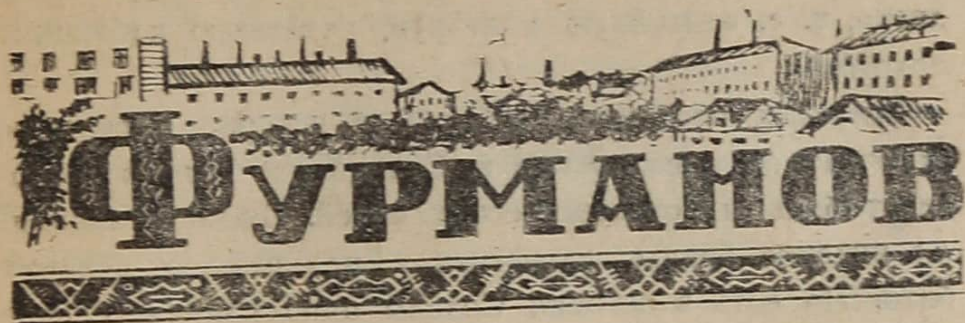
Все в Родниках знают и любят врача педиатра Николая Ивановича Орлова, который за время своей многолетней врачебной деятельности спас не одну детскую жизнь и помог многим родителям вырастить здоровых детей.

Свое уважение к этому врачу родниковцы выразили тем, что выбрали его депутатом и членом исполкома райсовета.

Большой известностью в Родниках пользуется хирург и окулист Н. К. Сакин.

В своей врачебной практике он с успехом применяет тканевую терапию по методу лауреата Сталинской премии академика В. П. Филатова.

Родники — центр небольшого, но очень компактного, территориально и экономически тяготеющего к нему района. Поэтому здесь нет глухих, отрезанных, забытых углов, весь район тесно связан с центром.

До проведения железных дорог в крае, которое началось с 60-х гг. XIX в., на всем протяжении Волги от Костромы до Нижнего-Новгорода Плес был важнейшим торговым пунктом. Он вел большую хлебную торговлю. Кроме того, владельцы многих сотен ткацких светелок, красильных заведений села Иванова возили свой товар на Макарьевскую ярмарку по Волге через Плес.

На полпути между Ивановым и Плесом стояло село Упино. Здесь были постоянные дворы, питейные заведения. Подводчики останавливались тут на ночлег и на другой день продолжали путь в Плес, где товары перегружались на барки и шли вниз по Волге.

Совершенно нет никаких данных о времени возникновения села с древним названием Упино. Впоследствии оно стало называться Серeda. Это название утвердилось за ним с тех пор, как здесь были учреждены базары по средам. В конце XVII в. Серeda была уже

значительным селом, имеющим свой «кружечный двор», т. е. «питейную контору», ведавшую кабацкими доходами.

Никаких особенных событий в истории Середы не отмечено до конца XVIII в. Стояло это село в стороне от больших стратегических путей. Сюда не заходили никакие банды захватчиков, не велось никаких битв. Но есть в истории Середы одно примечательное событие, на котором следует остановиться поподробнее.

В самом начале XIX в. в Серее произошла забастовка крепостных рабочих, одна из самых ранних забастовок среди текстильщиков. Это знаменательное событие произошло сто тридцать лет тому назад. Оно рисует яркую картину развития промышленности в нашей области и положение крепостных рабочих в начале прошлого столетия. Серееда и все окружающие ее села и деревеньки принадлежали князю Барятинскому. В его имении находилась суконная фабрика. Князь Барятинский поставлял сукно для армии. Крепостные крестьяне работали на этой фабрике «поурочно».

«Уроки» эти (сделать за день столько-то) были так велики, что рабочему нехватало дня, чтобы их выполнить. Крепостным рабочим много горя и бед приходилось претерпевать от этой безмерной тяжести налагаемых на них «уроков» и всех последствий их невыполнения. «Уроки» отнимали столько времени, что

крепостному крестьянину некогда даже было выехать в поле с сохой. В старинном акте обследования положения этих крепостных рабочих говорится: «Земля не обработана, да и запахать нечем и времени на то нет».

Крепостному рабочему помещик-фабрикант за непосильные эти «уроки» ничего не платил. Крепостной должен был кормиться урожаем с той земли, с тех полосок, которые были выделены ему для прокормления семьи. Но из-за отсутствия времени и обнищания он не мог пользоваться этой землей и оставался без куска хлеба. Получился замкнутый круг — «петля», как говорили крепостные рабочие. Нужно было искать какой-то выход: не умирать же с голоду.

Крепостные рабочие шли по миру, просили «милостыню». И вот суконщик ушел «по кусочки», его нет на фабрике, рабочий день потерян. А за невыход на работу по возвращении суконщика ждали нещадные побои и порка. В случае болезни рабочий должен был по неписанному закону помещика выставлять вместо себя другого работника. Кого же он мог нанять и выставить вместо себя? «Нанимать оных им нечем» — засвидетельствовано в акте. Больные никого, конечно, вместо себя не выставляли. И за это подвергались опять побоям. Безграмотным, темным крепостным рабочим показалось, что все зло их жизни, все страдания происходят от ненавистой фабрики, и они решили сжечь ее. Сделать это было нетрудно, но на пути

стояло одно препятствие. На фабрике в одном из корпусов стоял крест вместо иконы, которую полагалось иметь тогда в каждом общественном месте. По мнению крепостных рабочих, людей темных и религиозных, фабрику нельзя было жечь, когда в ней находится крест. Крепостные решили — крест с фабрики тайно унести, а потом уже беспрепятственно действовать. Вскоре крест с фабрики незаметно исчез. Администрация встревожилась. Начались розыски, допросы, порки...

После того, как дело с исчезновением креста затихло, фабрика была подожжена и быстро сгорела дотла. Тут же снова начались еще более жестокие пытки и розыски, но крепостные рабочие опять оказались стойкими до конца. Допросы и пытки на княжеском дворе не дали никаких результатов, виновники остались неизвестными.

**
*

Время приближалось к половине XIX в. Рабский труд крепостных доживал последние десятилетия. Среди крестьян нашли широкое применение бумаготкацкий и красильный промыслы. Сильно давало уже себя знать классовое расслоение деревни. Из числа крепостных выделились мелкие и крупные предприниматели, которые раздавали крестьянам пряжу для тканья, клеили основы, красили миткаль.

Во второй четверти XIX в. крестьянин села Широ-

кова Горбунов поставил в сельце Киселеве около Середы (теперь это сельцо часть города) клеильню и сновальное помещение. Эти промежуточные в обработке пряжи процессы считались очень тонким делом, требующим большой специализации, и приносили большой доход. Горбунов быстро, как здесь говорили, «раздул кадило» и в 1869 г. построил большую хлопчатобумажную механическо-ткацкую фабрику. В 1889 г. он «схлопал», по местному выражению, громадную бумагопрядильню и чугунолитейный завод. Старообрядец, богомол, консерватор, он дрожал над каждой копейкой и вдруг иногда неожиданно по какому-то взвихренному движению души мог на что-нибудь выбросить тысячи рублей. Отчаянный делец, этот полуграмотный мужик дарил великолепные дачи министрам и, пользуясь их покровительством, утаивал от налогов на доходы фабрики сотни тысяч рублей. Среди старых рабочих о деловой ловкости и причудах старика Горбунова ходит много примечательных сказаний. Его наследники значительно расширили дело. В 1905 г. они начали разработку торфа на близлежащем болоте, стремясь уменьшить расход на топливо для фабрики. Разработка торфа в крупном масштабе была тогда совершенно новым для наших мест явлением. В то время количество рабочих на фабрике достигло уже шести с половиной тысяч, общая сумма производства составляла тринадцать миллионов рублей.

Все окружающие Середу селения давно приняли полугородской характер и составили общий типично рабочий городок. После Великой Октябрьской социалистической революции Середка стала уездным городом Иваново-Вознесенской губернии. В городскую черту вошли: Старая Середка, селцо Киселево, деревни: Фроловка, Старое и Новое Некрасово, Фотеиха; поселки: Малая Кирилловка, Девья гора, Лопатино, Обухово, Малая Купчиха, Малое Никольское. С организацией области этот город стал одним из районных центров.

В Середке родился и провел свои детские годы знаменитый советский писатель, автор прославленных романов «Чапаев», «Мятеж», повести «Красный десант» и многих рассказов и очерков — Дмитрий Фурманов. В честь этого правительство переименовало город Середку в город Фурманов. За районом осталось прежнее название — Середской. Упино—Середка—Фурманов — такво наслоение названий этого крупного населенного пункта.

Середской район — один из самых обширных по территории и самых мощных по экономике районов нашей области. Кроме города Фурманова, являющегося районным центром, в состав района входят еще два значительных города — Приволжск и Плес. Первый знаменит своими льняными тканями, художественно вытканными салфетками, полотенцами, скатертями, вто-

рой славен своей историей, своими изумительными природными красотами.

Середские колхозники владеют удобными и плодородными почвами, умело, старательно обрабатывают их и получают высокие урожаи. Особенно славятся здесь урожайностью и хорошей организацией труда колхозы Горшковского сельсовета.

Колхозу «Красный пахарь», Середского района, за успехи в полеводстве — на уборке урожая, подъеме паров и зяби присуждено переходящее Красное знамя областного Совета депутатов трудящихся. За годы войны колхозники Середского района хорошо поработали. Выполняя в срок все государственные обязательства, немедленно отзываясь на каждое патриотическое дело, они оказали большую помощь Советскому государству и доблестной Красной Армии. Много середчан ушло на защиту своей любимой Родины. Они храбро сражались на фронте. Многие из них награждены орденами и медалями, а середчанину И. Н. Шишкину присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Улучшение работы текстильных фабрик, дальнейшее повышение урожайности благодатных середских полей, более интенсивное развитие животноводства — могут вывести этот район на первое место в области.

Город Кохма расположен на левом возвышенном берегу Уводи, в 10 километрах от г. Иванова, в 20 километрах от г. Шуи.

Окраинные поселки Иванова и Кохмы, расширяясь, занимая за городом все новые и новые поля, идут друг другу навстречу и через какой-нибудь десяток лет сомкнутся, Кохма сольется с Ивановым.

Тесная связь между этими городами существовала и встарину.

В конце XVI и начале XVII столетия была Большая Кохомская волость, в которую входило ничем неприметное тогда сельцо Иваново, предшественник современного областного центра.

В Кохме находилось управление вотчины, которому подчинялось и Иваново, называвшееся поэтому сокращенно «Иваново—Кохма».

В 1631 г. бездетная и очень религиозная княгиня Анна Скопина-Шуйская «отказала» Кохму Суздаль-

скому монастырю «на помян души». В 1678 г. Кохма насчитывала 640 дворов, — по тому времени это был довольно крупный населенный пункт.

Бесправное положение, малоземелье, недостаток скота, плохие урожаи держали крестьянство в безысходной нищете, и оно постоянно и упорно искало какого-нибудь приработка.

Самый надежный, самый верный заработок оно нашло в ручном льняном ткачестве. Этот кустарный промысел издавна свил здесь прочное гнездо. Крестьяне ткали не только для удовлетворения своих нужд. Большая часть сотканного шла раздатчикам пряжи, перекупщикам и помещикам, а от них на продажу.

При Петре I обруселый голландец Иван Павлович Тамес завел в Кохмe первую во всем Ивановском текстильном районе полотняную фабрику. Это знаменательное событие имеет свою очень интересную историю.

Петр I во время своего пребывания в Голландии в 1697 г. посещал парусные, полотняные фабрики, «садился сам с ткачами за станки и ткал полотна, сукна и всякие другие ткани».

В 1698 г. по приглашению русского царя из Амстердама на четырех кораблях отправились в Россию более тысячи голландцев, можно предполагать, что в числе их была семья Тамесов. Один из этой семьи Иван Павлович Тамес «был подлинный муж великого сведения, не только в коммерции, но и во многих дру-

гих делах и за его разумные и многие другие проекты к заведению и распространению в России разных мануфактур находился в особой милости у императора Петра Великого».

Петр часто бывал в доме Тамеса, его посещения носили как деловой, так семейный и увеселительный характер.

В Москве Иван Тамес завел крупную полотняную фабрику. «Фабриками» тогда назывались всякого рода промышленные предприятия, хотя все они велись ручным трудом.

Иностранные путешественники в своих записках о России оставили подробное описание этой фабрики.

Предприимчивый Тамес не довольствовался одной Московской фабрикой. Он искал новые места для устройства полотняных фабрик и каким-то образом прослышал о Кохме. Возможно, на это натолкнул его Петр, который своими глазами видел почти всю Россию, был в Шуе и во время своего пребывания в ней получил, вероятно, подробные сведения об этом древнем селе, узнал, конечно, об искусных кохомских ткачах.

Почему же для устройства полотняной фабрики Петр I и Тамес выбрали именно Кохму? Дело в том, что в то время в России недоставало свободных рабочих рук. Петр поощрял развитие промышленности, в России возникали фабрики и заводы, а рабочих рук

нехватало. Сельское население находилось в руках помещиков, а города были малы. Как же достать рабочие руки? Церковную вотчину легче было отписать в казну, обратить для любой цели. Вот поэтому на Кохме и остановилось внимание Петра и Тамеса, тем более, что здесь жили замечательные ткачи

Кохомская полотняная «фабрика» изготовляла не только всякого рода грубые полотна, тик и камку, но и дорогое полотно, которое было «почти так же тонко, как и голландское».

Условия труда и жизни крестьян, приписанных к фабрике, были очень тяжелыми. Рабочий день длился 14—18 часов, на фабрике работали дети шести-семи лет, «заработная плата работниц не превышала того, во что обходится содержание арестанта».

Тамес надеялся найти в Кохме рабочую силу и для Московской полотняной фабрики, перевести туда «скудных (бедных) девок и баб», но встретил резкий отпор со стороны кохомских крестьян.

«Крестьяне работать не хотят, спорят и бранятся, баб и девок не высылали и в отпуску ребят много», — жаловался фабрикант в своем письме в обер-коллегию, которая ведала приписанными к фабрикам «рабочими людьми».

Наследники Ивана Тамеса оказались менее способными промышленниками, опустили дело, и первая во всем ивановском промышленном районе фабрика

прекратила свою деятельность, но с закрытием ее здесь не угас ткацкий промысел. В конце XVIII в. многие предприниматели из крестьян выстроили в Кохме на берегу Уводи много ткацких светелок, мастерских по набивке тканей и выделке манер, заводских заведений, раздаточных контор. Существовал даже химический заводик, который снабжал кохомских красильщиков красками.

Ручное ткачество широко процветало в Кохме до половины XIX в. В 1882 г. в Кохме возникла белильная, ситценабивная и красильная фабрика.

В 1852 г. здесь появилась первая паровая машина, было создано товарищество мануфактур братьев Ясюнинских. В 1890 г. товарищество построило бумагопрядильную фабрику на 52 тысячи веретен и бумаготкацкую с 527 станками.

В 1898 г. построена вторая бумаготкацкая фабрика на 1232 станка.

Красильная фабрика расширялась постепенно, и в 1900 г. действовало 6 печатных машин, 2 плисовальные и 18 красильных ванн.

По своему качеству и красоте отделки товар кохомских фабрик расценивался чрезвычайно высоко и имел большой спрос. В послевоенный период кохомские фабрики выпускают ткани для гражданского населения, выполняя заказы на сорта наиболее сложные по рисунку.

В революционном движении кохомские текстильщи- ки всегда шли в ногу с ивановцами. В девятисотых годах в Кохме возникла социал-демократическая ор- ганизация, которая широко распространяла ленинскую «Искру». Старые кохомские рабочие до сих пор вспо- минают те времена, когда они по ленинской «Искре» учились революционной борьбе.

Находясь между Ивановым и Шуйей, Кохма была важным пунктом революционной работы. В периоды тяжелого положения ивановской и шуйской социал- демократических организаций, когда им грозила опас- ность, многие видные революционеры подавались в Кохму и скрывались там. В Кохму перетаскивали ору- жие, нелегальную литературу, шрифты... В 1905 г. в Кохме бывал Фрунзе и выступал среди рабочих. Ко- хомские рабочие его также хорошо помнят, как ива- новские и шуйские.

В первые годы революции население Кохмы сильно поредело. Большая часть рабочих ушла на фронты защищать молодую республику, в продовольственные отряды... По окончании гражданской войны все остав- шиеся в живых собрались в родную Кохму и немед- ленно пустили фабрики, хозяевами которых они стали сами.

Кохма, широко известная тканями красивой рас- цветки, является центром небольшого района.

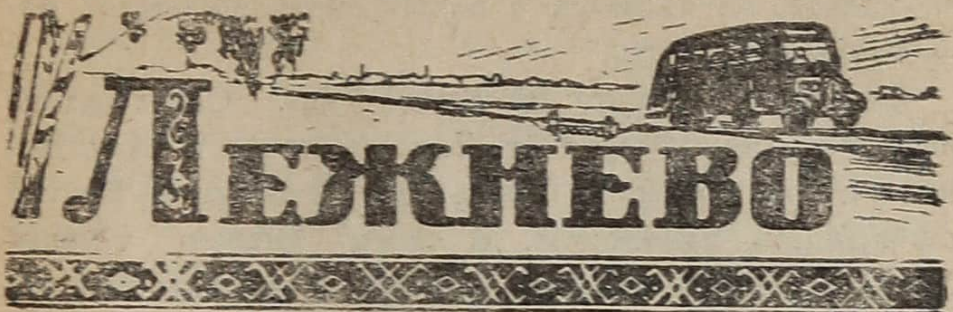
За годы советской власти в Кохме выстроены де-

сятки школ, многоквартирных домов, население ее увеличилось в несколько раз, и в 1925 г. правительство вынесло решение о преобразовании этого села в город. Теперь в этом небольшом городке много интеллигенции, много знатных людей. Сын Акулины Швецовой, которая проработала на кохомской фабрике 33 года, славно поддержал на фронте честь кохомских текстильщиков. Ивану Ивановичу Швецову за исключительный подвиг на поле брани присвоено звание Героя Советского Союза.

За профессиональное мастерство и упорство в повседневном труде награждены орденами и медалями многие рабочие кохомских фабрик.

Дальнейшие перспективы экономического развития Кохмы неразрывно связаны с будущим города Иванова.

До войны между областным центром и Кохмой было налажено регулярное автобусное движение, предполагалось продление трамвайной линии, но осуществление этого проекта задержалось из-за трудностей военного времени. В период мирного строительства восстановится автобусное движение, а с течением времени в Кохме будет конечная остановка одной из линий ивановского трамвая.

Шоссе долго тянется по окраинным поселкам г. Иванова, потом идет мимо пригородных полей совхозов, подсобных хозяйств, вступает в леса и, наконец, вырвавшись на просторы полей, приближается к Лежневу, которое видно издалека. Оно раскинулось на высоком берегу Ухтохмы. Красивые корпуса текстильной фабрики, правильные ряды домов, старинная церковь с часами на колокольне, много двухэтажных особняков.

Судя по ширине поймы, Ухтохма была встарину широкой, многоводной рекой.

«Волга давала основной тон торговле всего края. Влияние простиралось и на Клязьму с ее судоходными притоками — Лухом, Тезою и Нерлью.

По Клязьме сообщение шло до Богородска, т. е. почти до Москвы, по Тезе до Шуи, по реке Луку до г. Лука, по Уводи до Лежнева».

Историк А. Спицын, которому принадлежит это

сообщение, не вдаваясь в подробности, допускает маленькую неточность.

Никакого Лежнева на Уводи нет. Оно стоит на реке Ухтохме, которая от Лежнева течет к селу Быково и там впадает в Уводь. От Лежнева до Быкова одиннадцать километров. В своем нижнем течении Уводь и сейчас является широкой и многоводной рекой. Вполне понятно, что прежде, когда главными путями сообщения были реки, Уводь была судоходной до ее самого значительного притока — Ухтохмы. По Ухтохме суда поднимались до Лежнева.

Отцы теперешних лежневских старожиллов рассказывают, как водили суда по Уводи и Ухтохме. Вот по берегу идут два-три, много уж пять бурлаков. Они тянут на лямках небольшое плоскодонное судно. Зной печет, гнус донимает их, а они все идут. идут...

В тех местах, где берега Уводи сильно заболочены, бурлаки переходят на барку и ведут ее на веслах или шестах. Вечером пристают к берегу, ловят бреднем рыбу, варят уху, если удался улов, и, спасаясь от болотного гнуса, забираются спать в «мурью» — так называется на малых судах жилое помещение.

Уводь становится многоводной рекой после впадения в нее Вязьмы и Ухтохмы. Вязьма начинается около Тейкова, Ухтохма берет свое начало в районе Комсомольска.

Минуя устье Вязьмы, судно поднимается все выше и выше по Уводи и входит в Ухтохму. Это красивая река. Берега ее высоки, зелены. Заболоченных мест, каких много в нижнем течении Уводи, на Ухтохме нет. День ходу по ней, и вот уже вдаль на горке виднеется Лежнево. Судно приваливает к мосткам. Путь закончен.

Выше Лежнева суда не поднимались.

От Лежнева вниз по Ухтохме и дальше вниз по Уводи водить суда было, конечно, легче.

Уводь впадает в Клязьму между Ковровом и Вязниками, Клязьма впадает в Оку недалеко от г. Горького. Это был водный путь протяжением около двухсот километров. Ими пользовались для отправки тканей на Нижегородскую ярмарку лежневские владельцы ткацких изб и раздаточных контор.

Пользовались ли этим водным путем богатые ивановские мануфактуристы — неизвестно. Нет никаких сведений и о том, что Уводь выше впадения в нее Ухтохмы была судоходной. Ни в исторических материалах, ни в народных преданиях нет ни одного намека о судоходстве по Уводи в районе Иванова.

Известно, что до проведения железных дорог ивановские фабриканты на лошадях возили товар в Плес, там грузили на волжские суда и отправляли на нижегородскую ярмарку. Этот путь они считали, видимо, более удобным. От Иванова до Лежнева тридцать

километров, до Плеса шестьдесят. Правда, обоз до Плеса шел лишний день, но зато уж товар попадал на прямой волжский путь, более надежный и безопасный во всех отношениях, чем путь по малым рекам.

Так же, как и во всем Ивановском текстильном районе, в Лежневской стороне был сильно развит ручной ткацкий промысел, существовали светелки и раздаточные конторы. С введением механического ткачества владельцы их построили фабрики. В настоящее время в Лежневском районе шесть фабрик; из них две довольно значительные. Это — Лежневская и Ново-Горкинская.

Но в давние времена в Лежневе больше, чем ткачей, было кузнецов и сапожников.

Лежнево возникло на перекрестке многих путей. Тут пролегают прямые дороги на Иваново, Суздаль и дальше на Владимир и Москву, на Ковров, Шую, Тейково, Ильинское и дальше на Ростов и Ярославль. Встарину десятки ямщицких троек, тяжелых барских карет, возков мелкопоместных дворян, множество обозов проходило через Лежнево. Лежневские кузнецы ремонтировали возки, кареты, тарантасы, ковали лошадей.

По дорогам, проходящим через Лежнево, проходило много пешеходов. Им зачастую нужно было починить растрепавшуюся обувь, приобрести новую.

Отсюда получил широкое развитие в Лежневе са-

ножный промысел. Кроме мелких кустарей, работавших здесь в одиночку, на дому, впоследствии возникло несколько крупных сапожных мастерских, которые изготовляли специальную обувь для рыбаков Каспия и Дальнего Востока.

По вечерам много прохожих и проезжих искало в Лежневе ночлега, а поэтому здесь чуть ли не каждый дом являлся постоянным двором. В этом селе встарину было полтора десятка кабаков и несколько трактиров. В погожие летние дни на красивых холмиках над Ухтохмой всегда можно было видеть десятки и сотни прохожих, которые тут лежали, отдыхая. От глагола лежать происходит, видимо, и название Лежнево.

До проведения железных дорог через Лежнево прогоняли много скота с Волги в Москву. Иван Матвеевич Рахов, семидесятипятилетний колхозник из сельскохозяйственной артели «Сталинец», рассказывал, что он помнит эти огромные стада скота. Погонщики оставляли их здесь на пастьбу и водопой. Для курдючных овец луг посыпали солью. Из-за этого некоторые лежневские лавочники имели значительную соляную торговлю.

Селом владели князя Долгорукие. В первой половине прошлого столетия князь Долгорукий отдал это село в приданое за своей дочерью князю Войекову.

Лежнево было малоземельным селом, потому-то здесь так прочно и привились кузнечный, сапожный

и ткацкий промыслы. Ручная набивка тканей здесь сохранилась дольше, чем в других местах. Старики уверяют, что лет пятьдесят тому назад здесь отделяли ткани ручным способом. Кроме того, в селе была тогда так называемая «пунцовая фабрика», которая производила гладкое крашение тканей, преимущественно в пунцовый цвет, отчего и получила свое название.

Потом в Лежневе шуйский купец Кукушкин построил ткацкую и прядильную фабрики, на которых работало до трех тысяч рабочих.

После организации Ивановской области в 1931 г. Лежнево стало районным центром. Лежневский район занимает территорию в 89 тысяч гектаров, из них 25% занято пашней, 57% лесами, 7% сенокосами. Сельское хозяйство района имеет огородно-животноводческий уклон. За годы Великой Отечественной войны сельскохозяйственные артели района значительно окрепли, колхозники показали себя пламенными патриотами своей Родины. Они значительно расширили посевные площади, увеличили поголовье скота. Лежневский район начинает превращаться из потребляющего, каким он был века, в производящий.

Советский патриотизм — это не громкие слова, а большие трудовые и боевые дела. В колхозе «Дружба» Лежневского района живет и работает Василий Степанович Поляков. Ему под шестьдесят, но он трудится не покладая рук. Минувшей весной колхозник

Поляков вспахал 35 гектаров, ежегодно он вырабатывает по 600—650 трудодней. По летам его ежедневно можно видеть в поле на работе.

— Василий Степаныч хорошо у нас работает, — говорят в «Дружбе».

— Нельзя мне плохо работать, — отзовется непременно Василий Степанович, — у меня сын — генерал.

Дмитрий Васильевич Поляков пришел в Красную Армию в 1927 г. тихим, скромным деревенским пареньком и за эти годы из рядового стал генералом. Отцу он пишет часто, колхозникам шлет приветы и наказывает «жить и работать дружнее».

Пять сыновей В. С. Полякова защищали родину от грабительских гитлеровских полчищ. Один из сыновей погиб в бою, другой пропал без вестя, а трое, в их числе и генерал, остались живы.

Гвардии лейтенант, специалист по истреблению танков, бывший электрик Лежневской фабрики Владимир Грязнов за свои боевые подвиги удостоен звания Героя Советского Союза. Этому же высокому званию удостоены лежневцы А. Кувшинов, П. Ярцев, И. Корноухов. Лежневская комсомольская организация отправила на фронт 440 комсомольцев. Из них 50 фронтовиков за свои боевые дела получили правительственные награды. Еще больше посылала на фронт партийная организация района. Среди членов партии награжденных фронтовиков еще больше.

По всему Лежневскому району разбросаны артели

местной промышленности. Воскресенская, Телегинская, Чернская артели занимаются ткачеством на небольших механических фабриках. Растилковская артель выделывает игрушки, ручным способом красит ткани, вышивает коврики. Артель «Лигностон» прессует древесину для челноков.

В районе — большой массив лесов, из них много перестойных. В глубине лежневских лесов находится Стрекаловский лесозавод. В самом районном центре, кроме Лежневской фабрики, работают швейная артель «Новый путь», металлообрабатывающая «Прогресс», швейная, трикотажная и красильная артели инвалидов, артель «27 лет Октября», вырабатывающая на ручных ткацких станках мешковину, промкомбинат, пищекомбинат и два колхоза — «Сталинец» и «Трудовик».

В Лежневе находится и районная машинно-тракторная станция. Безвестная, отстающая в прошлые годы, Лежневская МТС весной 1945 г. резко повысила выработку, улучшила качество обработки земли. За успехи на весенне-полевых работах ей было вручено переходящее Красное знамя обкома ВКП(б) и облсовета депутатов трудящихся. Для своей машинно-тракторной станции лежневцы строят сейчас новую усадьбу. Это будет благоустроенная и удобная усадьба.

Лежнево, расположенное на обоих берегах Ухтомы, — красивый рабочий поселок. Окраинные улицы его тихи, зелены и уютны. Есть большой тенистый городской сад, кинотеатр, районная и фабричная биб-

лиотеки. В Лежневе две средних школы, несколько начальных, детские сады и ясли, большая больница. Население его приближается к десятку тысяч.

Ежедневно через Лежнево проходят многие сотни автомашин. Они идут на Иваново, Суздаль, Владимир, Москву, Ярославль, Шую, Тейково, Ковров.

Вскоре после окончания войны установлено автобусное сообщение Иваново—Лежнево.

Ежедневно автомашины перевозят через Лежнево столько людей и груза, что этому грузопотоку может позавидовать любая железная дорога. С каждым годом в расцветающей после войны нашей победоносной стране автомобильное движение будет быстро усиливаться, и Лежнево станет шумным, оживленным городком. В Лежневе поставят заправочные колонки, для проезжающих устроят буфеты, помещения для отдыха и ожидания. Через каждые два-три часа из Иваново на Лежнево будут отходить автобусы, и тогда ивановцы смогут отдыхать в дачных местах по берегам Ухтохмы, ездить на рыбную ловлю, за грибами и ягодами в лежневские леса.

Животноводство и огородничество, как основные отрасли сельского хозяйства района, получат в будущем еще более широкое развитие.

Близость областного центра и автомобильное сообщение с ним по благоустроенному шоссе гарантируют району выгодный сбыт продуктов животноводства и огородничества.

Пятьдесят лет тому назад тут были непроходимые леса, водились лоси и медведи.

Леса принадлежали «удельному ведомству», и доходы с них шли на содержание членов царской фамилии.

В 1868 г. эти леса, как сабля, рассекла поперек железная дорога, которая прошла от Иванова через Шую, Новки на Москву. На половине пути между Шуей и Новками нужно было устроить очередную станцию. Ее построили в безлюдном месте, в лесу, и называли Егорьевск. Тут за лесом поблизости село Егорьевск. Потом назвали Савино, потому что еще ближе к одинокому зданию станции находилась деревня Савино.

По новой железнодорожной линии носились поезда, на глухой лесной станции появлялись пассажиры. Они искали подвод, им нужно было проехать до старинных торговых сел Воскресенского, Вознесенья, до

кустарей, выделяющих деревянные игрушки в далеких лесных деревушках.

Поэтому вскоре около вокзала поставил свой домишко один ящик, потом другой. После постройки фабрики в Юже в Савине появилось несколько извозпромышленников. Они возили на Южскую фабрику хлопок, станки, машины. Впоследствии разные мелкие предприниматели завели в Савине свои заводики и мастерские.

Южская, шуйские, ивановские, вичужские, середские фабрики запасные части к станкам и машинам возили издалека, даже из-за границы. Между тем производство этих деталей можно было наладить на отечественной почве и поставлять их на фабрики по более дешевой цене. И вот Савино для этого показалось мелким промышленникам наиболее удобным местом. Много леса, много мастеров по обработке дерева, в двух шагах железная дорога.

Стали возникать заводики и мастерские. Они производили челноки, погонялки, шпрынки, бегунки, гонки, части к кареткам «Добби». Но главным образом вырабатывали челноки.

Один крупный фабрикант, разговаривая с владельцем одного из савинских челночных заводов, поставил челнок острием на свою ладонь и вернул его. Челнок завертелся, как юла. Фабрикант сказал:

— Ты сделай мне вот такой челнок, чтобы тяжесть в нем от времени не терялась, чтобы дерево

не задиралось и не поддавалось влиянию влаги. На челноке стояла марка английской фирмы.

Собеседник фабриканта взял челнок, рассмотрел его внимательно и сказал:

— Это мой челнок... моего завода... Представительство английской фирмы в Москве скупило мои челноки и поставило свою марку.

Извозопромышленник Запруднов, видя, как богатеют владельцы текстильных фабрик, недавние мужики, сам загорелся страстью вылезти в фабриканты. Он построил деревянную ткацкую фабрику. Через два года она сгорела. Запруднов вновь построил деревянную фабрику. Через два года опять «божье пощенье», опять пожар. Этот делец построил третью... Зная его склонность к поджогам, страховые компании отказывались страховать его торючие фабрики. Сколотив капиталец от доходов и страховок, подыскав компаньонов, он поставил каменную фабрику. Дело пошло, Запруднов разбогател, компаньонов вытеснил и выкарабкался-таки, стал фабрикантом.

Другими предпринимателями в Савине были выстроены небольшие литейный и деревообделочный заводы. История Савина небогата событиями. Этот рабочий поселок городского типа вырос в течение последних пятидесяти лет. В 1894 г. около станции Савино появился первый домик, а теперь по обеим сторонам железной дороги тянутся широкие длинные улицы. Красивые дома, фабрики, мастерские, учреждения. В

Савине теперь почти шесть тысяч жителей. Это центр большого района, в котором много пахотных земель, кустарных промыслов, текстильных фабрик, торфопредприятий. Прежде в Савине было пять челночных заводиков. Теперь производство челноков сведено в одно место. Их выработывает фабрика им. 1 Мая. Кроме челноков, она выпускает пришвы и катушки.

В самом районном центре и близ лежащих деревнях и селах успешно работает много артелей местной промышленности.

Огромная, хорошо оборудованная артель имени Ленина шьет костюмы, белье, деревообделочная артель им. Калинина выработывает санки, кадки, лоханки, артель «Заря социализма» катает валенки, красит материи, артели промкомбината шьют обувь, одежду, делают горшки, горпищепрома — изготавливают сироп, пряники, повидло, варенье, квас.

В Набережновском сельсовете работает артель «Смычка». Ее изделия — телеги и сани.

В деревне Жабрихе, что в трех километрах от Савина, артель столяров и токарей по дереву занимается производством шашек, шахмат, домино, пеналов; артель «Вторая пятилетка» в деревне Обьедово — деревянных игрушек и ложек. Артель «Культура» в старинном селе Воскресенском имеет швейный и кукольный цеха.

Артель им. Куйбышева в деревне Исаково изготавливает очень нужный, очень дефицитный хозяйст-

венный инвентарь, производство которого во многих местах заброшено, — решета и цедилки.

Ни один район нашей области не выпускает такого множества самых разнообразных изделий кустарной промышленности.

Как отголоски огромных групп текстильных предприятий Иванова и Шуи в Савине и районе, на этой окраине области, шумят небольшие ткацкие фабрики «Солидарность», Шуйско-Новинская и две фабрики им. М. В. Фрунзе.

Из торфопредприятий в Савинском районе — самое крупное Панфиловское. Кусковым и фрезерным торфом высокого качества оно снабжает шуйские, середские и часть ивановских фабрик.

По июнь 1945 г. в социалистическом соревновании торфопредприятий Панфиловка восемь раз занимала первое и второе места и премиривалась крупными суммами денег.

Здесь много замечательных мастеров торфодобычи, начальников участков, торфмейстеров, бригадиров и квалифицированный почти постоянный состав рабочих-торфяников.

Бригадир Мария Шашкова и торфмейстер Николай Федорович Наумкин за исключительные успехи в работе награждены значками отличников соревнования и медалями «За трудовую доблесть». Лучшие бригады Кондратьевой, Шашковой, Яшиной, Рудаковой, Яковлевой, Жиронкиной, работающие почти в одном и том

же составе в течение нескольких лет, из месяца в месяц выполняют план торфодобычи на 120—150%.

Высоко ценят заслуги своих лучших людей рабочие и колхозники Савинского района. В июне 1945 г. они устроили знаменательную встречу трех Героев Советского Союза, уроженцев Савинского района. Герой Советского Союза т. Греков прибыл на эту встречу из деревни Пучково, где он работает председателем колхоза «Победа». Ему присвоено звание Героя Советского Союза за боевые дела в войне с белофиннами.

Старший сержант Григорий Ветчинкин удостоен звания Героя Советского Союза за непреклонную стойкость, исключительное мужество и высокую доблесть в борьбе с немецкими фашистами. Командир противотанковой пушки, он после отражения многократных, яростных фашистских атак остался у орудия один и не дрогнул, не покинул огневой позиции, устоял против новых групп атакующих немцев, не пропустил их в глубь боевых порядков советских частей. В этом неравном бою он сразил осколочными снарядами несколько десятков немцев и подбил шесть танков. Получив в боях тяжелое ранение, он вернулся домой в деревню Панфилово и работает сейчас на Панфиловском торфопредприятии.

Герой Советского Союза старший лейтенант Кирилла Грязнов приезжал в родной район на эту встречу с земляками из Германии, где стояла его часть. Он

сын рабочего фабрики имени Фрунзе № 1. До войны Кирилл Грязнов работал в Иванове, посещал аэроклуб, где и получил первоначальную подготовку летчика. За время Великой Отечественной войны он совершил 157 вылетов. Его полеты нельзя в полном смысле назвать боевыми, но и нельзя назвать и мирными. Кирилл Грязнов — летчик-разведчик-корректировщик. Для этого дела нужны исключительное хладнокровие, поразительная наблюдательность, верный глаз и какое-то особое чутье следопыта. Смелого воздушного разведчика враг подвергал ожесточенному обстрелу, бросал против его самолеты-истребители. Несмотря на обстрел и нападения истребителей, Кирилл Грязнов каждую разведку доводил до конца и возвращался с ценнейшими сведениями. Летая исключительно с целью разведки, он, когда этого требовали обстоятельства, проявлял себя прекрасным истребителем и лично сбил три немецких самолета.

Трудно найти и обнаружить с высоты хитро замаскированные скопища немецкой пехоты, танков, артиллерии, обозов, но Кирилл Грязнов быстро находил, точно определял их местоположение, фотографировал и приводил сюда армады советских штурмовиков, бомбардировщиков или вызывал неистовый огонь советской артиллерии.

Кроме Золотой звезды и Ордена Ленина, на его груди сияют ордена «Славы», «Отечественной войны

1 степени», «Красной звезды», два ордена «Красного знамени».

Много из Савинского района вышло и других доблестных воинов, награжденных орденами и медалями.

Из поколений, воспитанных большевистской партией, советским государством, многие стали инженерами, врачами, учителями, ответственными партийными и советскими работниками. В этом явлении сказывается огромный рост культуры за годы советской власти даже в отдаленных районах. До Великой Октябрьской социалистической революции в Савине была одна начальная школа и два учителя. Теперь в Савине средняя, неполная средняя и начальная школы и 40 преподавателей. В этом районном центре есть хорошая больница, детские ясли и сады, районная библиотека и кинотеатр.

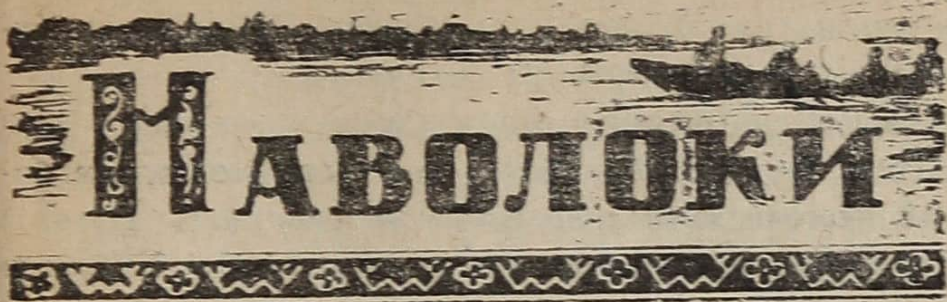
Почвы в районе суглинистые и супесчаные. Без тщательной обработки, без достаточного количества удобрений они не дают высоких урожаев. По урожайности Савинский район отстает от других районов области. Это говорит о том, что савинские колхозы не применяют основных правил агротехники и оттого не добирают со своих полей и огородов многих сотен тонн зерна и овощей.

Много земли здесь занято лесами, и в них ведутся обширные лесоразработки. Территорию района захватывают в своем нижнем течении большие реки нашей области Теза и Увель.

По берегам их много живописнейших мест, есть хорошие заливные луга и рыбные тони.

Недалеко от Савина раскинулось небольшое Филатовское озеро. Это озеро карстового происхождения. Подземная река подмыла почву, получился огромный провал, на месте которого и образовалось озеро. Савинцы с восхищением рассказывают, что дна этого озера никто не доставал, и предполагают, что оно очень глубоко.

Неотложными задачами развития района в мирный период являются повышение урожайности колхозных полей, укрепление и дальнейшее развитие местной и кустарной промышленности и усиление культурной работы в колхозах и промартелях.

Маволоки

В девяти километрах выше Кинешмы на левом берегу Волги есть селение Солдога, существующее с незапамятных времен.

В 1437 г. в Солдоге произошло кровопролитное сражение волгарей с ордой казанских ханов, ринувшихся в очередной грабительский набег на порабощенную тогда Россию.

Малочисленный отряд русских ратных людей, защищавших это укрепленное сельцо, дрался до последней капли крови, полег костями, но не сдался свирепому врагу. В этой битве рядом со своими доблестными ратниками сражались воеводы Засекин и Сисеев и пали смертью храбрых.

В 1609 г. в Солдоге произошло сражение русских с шайкой пана Лисовского. Польские оккупанты двигались с верховьев Волги. Солдога защищала Кинешма с этой стороны.

Кинешемцы придавали большое значение этому на-

селенному пункту и, надеясь остановить тут поляков, выслали туда отряды под водительством воевод Куломзина и Шушерина.

Кинешемцы, вышедшие в Солдогу защищать свой родной город, храбро бились, но были раздавлены более многочисленным противником и погибли. В этой битве нашли геройскую смерть и воеводы — Куломзин и Шушери́н.

Вокруг Солдоги по левобережью Волги было много населенных пунктов, которые тяготели к этому селу как к торговому центру. Здесь происходили шумные торжки, велась крупная по тому времени торговля. Но Солдога принадлежала Кинешме и вынуждена была сдавать доходы от налогов на торговлю своему хозяину. Это связывало Солдоге руки, лишало ее возможности благоустраиваться и расти. Жители Солдоги, считавшие ее чуть ли не равной Кинешме, говорили:

— Кинешма кутит да мутит, а Солдога платит.

Каждому селению, городу и городку его географическим положением, экономикой, историей определена доля своего счастья. Но Солдоге это счастье, кажется, никогда не улыбалось. Древнее городище, потом торговая Слобода, а затем тихое безвестное село. Таким оно и осталось. Повезло другому селению, которое находится на правом берегу Волги в трех верстах от Солдоги. Это Наволоки — центр большого по-

волжского района, в состав которого входит теперь и Солдога. Когда Солдога смертным боем билась с татарскими и польскими оккупантами, на месте теперешних Наволок по летам шумели заповедные леса, цвели заливные луга.

Наволоки, Наволоки — это пойма, луг, заносимый во время разлива наносом, или низменный мыс, остров, покрытый илом с тиной.

На том месте, где возникли Наволоки, было то и другое. Пойма, разливное ложе реки, ограничивалась вдруг высокими, поднимающимися чуть ли не до облаков холмами.

Рядом с этой поймой проходит остров, разбивающий течение Волги на две струи.

Широкий рукав Волги пересекает тут известный солдожский пережат.

Встарину, когда на Волге еще не было механических землечерпалок и не проводилось никаких работ по расчистке фарватера, солдожский пережат был страшен для судовладельцев.

В засушливые годы на берегу около пережата оседали сильные, ловкие, беззаботные люди, в большинстве своем одинокие, которые «наволжились», поизбаловались, как говорили купцы, в бурлачестве. Им осточертел этот тяжкий копеечный труд; они достаточно потеряли бурлацкую лямку, знали характер волжского купца, его слабые стороны и искали возмож-

ностей и случаев сорвать с волжских богатеев деньги легкую и большую. Они ловили рыбу, а ее при перекатах водится много, или лежали и сидели целыми днями, поглядывая с холмов на широкую светлую гладь красавицы Волги, видной далеко-далеко в ту и в другую сторону.

Всматриваясь в низовую и верховую даль реки, они определяли тип и величину судна и гадали — сядет или не сядет оно на родном их кормильце — солдожском перекате.

— Небольшое, — говорили одни, — пожалуй, протащится с грехом пополам.

— Ска-а-зал—небольшое! Тысяч на двенадцать пудов будет. Вода-то сегодня ниже пояса, да еще по ночи камешков подброшено... Где ж ему протащиться, угодит тут как тут. Как клещами, жамкнет его перекаат.

— То-о-всь, ребята, посудина большая, будет работа,—говорил старшой, заранее определив, что судно сядет на перекаате.

— Ты не продешеви, — наказывала ему артель, — посуда сверху идет, к Макарью спешит, на торг.

— В Солдогу бы не ударился, — поглядывая на золотой крестик солдожской церкви, желтым огнем горящий над нивами, — говорил какой-нибудь опасливый бурлак.

— У них сейчас работная пора, они дороже нас возьмут.

— В воскресенье биты были, чай, не пойдут, побоятся.

Гибель для купцов, кормилец бурлаков — солдожский пережат сажал судно на свой каменный горб. Владелец кричал, метался, потом, видя полную безнадежность положения, стихал и начинал поглядывать по сторонам.

На правом берегу он видел лачуги бурлаков, приставившиеся на уступах холмов, садился в лодку и ехал туда. Из кустарника выходил к нему навстречу бурлацкий старшой, хитрец, краснобай, умница, человек кремневого характера, большой воли и редкого хладнокровия. После долгих, медлительных и хитроумных переговоров с продувным купцом, заломив хорошую цену, он соглашался «стронуть баржу народом», собирал артель.

С отчаянной решимостью, шумно и горячо бурлаки брались за дело. Вот они уже ныряют под баржу, вытаскивают из воды камни, потом общими усилиями стараются «разом толкнуть» судно. Но делают они это, как артисты, не тратя сил, только для видимости. Им нет интереса так легко выпустить из рук купца, поэтому вскоре начинаются решительные утверждения: — «заело», «намертво солдожанин схватил», «всей русской силой не стронешь», «нечего и думать» и т. д. Купец в отчаянии. Надо паузиться, перегружать товар. Освобожденное от груза судно поднимется на воде и

минует тогда пережат. Артельный ломит большую цену, но купец вынужден согласиться и начать паузу.

И тут наступает бурлацкий праздник. Общее оживление охватывает всех. Из заливчика выводят дощаники, ставят их к барже, и тут начинается работа. Не только бурлаки, но жены их и подруги, подростки вступают в дело и в один день зарабатывают за месяц тяжкого труда.

Большой заработок уходил так же быстро, как и приобретался. К тому же он был ненадежен и поддерживал бурлацкую голытьбу только в сухую пору лета. Поэтому на постоянное жительство здесь оседало мало населения. В 1875 г. в Наволоках было всего-навсего 19 дворов, и в них проживало 76 душ мужского и женского пола.

Но вскоре это малолюдное захолустье зашумело. В начале восьмидесятых годов прошлого столетия предприимчивые вичужские фабриканты, которых Волга всегда сильно тянула к себе, решили построить в Наволоках текстильную фабрику. Их привлекло сюда обилие топливного и строительного леса, чистой воды, которой очень много требуется для текстильной фабрики, и удобное место для пристани.

И самое главное, — под рукой, у ворот фабрики, проходил всероссийский водный путь, по которому фабриканты возили себе хлопок, нефть, дрова и отправляли готовый товар.

В 1897 г. в Наволоках уже было 498 жителей, да каждый день из деревень приходило на фабрику несколько тысяч крестьян. Многие из них предпочитали фабричную работу сельской, перевозили из деревень дрова и на всю жизнь оседали около фабрики.

После организации Наволокского района население его центра выросло в сто раз по сравнению с числом жителей в 1897 г.

В 1935 г. этот рабочий поселок переименован в город Наволоки.

Старая Солдога смотрит из-за Волги и дивится быстрому росту молодого счастливецца. Но и древняя Солдога в советское время оживилась, она стала колхозной.

В состав района, кроме Солдоги, входят большие старые села бывшего Кинешемского уезда — Новлянское, Есиплево, Воздвиженское, Колшево. Они славятся большими крепкими колхозами и хорошей постановкой культурно-просветительной работы.

В Есиплеве и Колшеве давно и налаженно работают избы-читальни, а в Новлянском и Воздвиженском — Дома культуры.

В районе есть несколько процветающих эстонских колхозов.

После крестьянской реформы 1861 г. многие дворянские усадьбы здесь оскудели, разорились и пошли с торгов. Предки здешних эстонцев купили тогда

часть этой земли, переселились сюда и осели тут навсегда.

Эстонские колхозы славятся по району высокопродуктивными молочно-товарными фермами.

Наволоцкая фабрика теперь называется «Приволжская коммуна».

В городе работает несколько кустарных артелей.

Фабрика и артели составляют всю промышленность Наволок.

Но этот молодой городок еще весь в будущем. Жители его мечтают о железной дороге, которую надо протянуть от конечных путей станции Кинешма всего только на какой-нибудь десяток километров. Тогда бы рост города и его промышленности значительно усилился.

Здесь есть все, что присуще небольшому советскому городу: рабочий клуб, где очень часто дают спектакли артисты из Кинешмы, школы, больницы, детские сады и ясли, работает много интеллигенции, есть свои знатные люди.

Молодой город гордится тем, что в Великую Отечественную войну дал фронту много храбрых воинов и в их числе Героев Советского Союза Горохова и Кокорева и генералов Эрастова и Веселова.

В районе имеются залежи полезных ископаемых. В бассейне речек Кистеги, Локши, Колдомы обнаружены большие запасы гравия и известковых туфов.

Велики здесь залежи фосфоритов. Для разработки их около деревни Куницыно была начата постройка шахты, но дело не доведено до конца.

На реке Кистеге производилась добыча фосфоритов. Здесь предполагалось построить завод по выработке удобрений.

Фосфориты широко применяются в сельском хозяйстве после переработки на суперфосфат или в тонко размолотом виде под названием фосфоритной муки. Суперфосфат — дорогое удобрение, фосфоритная мука более дешевая, но она «не везде может быть с успехом применяема, так как в ней фосфоритная кислота содержится в мало доступной, трудно усвояемой растением форме».

Может быть в этом и кроется причина того, что вопрос о наволоцких фосфоритах отложен до тех пор, пока агрономическая наука не найдет им более широкое и полное применение.

Наволоки расширяются в сторону Кинешмы, а Кинешма в сторону Наволок.

Говорят, что Наволоки в будущем станут пригородом Большой Кинешмы, которая раскинется по берегу Волги километров на пятнадцать.

Это хорошее будущее, и упорные разговоры о нем вселяют большие надежды на бурный рост старого города Кинешмы и молодого городка Наволоки.

Комсомольск

В глухих лесах, в «пустынных» полях доброй половины нашей области встречаются ряды уходящих в бесконечную даль огромных деревянных сооружений, похожих на высокие сторожевые вышки. Они держат на себе великую тяжесть проводов.

Во многих местах над линиями железных и шоссейных дорог висят густые сетки проводов.

Это тянутся линии ИвГРЭС — Ивановской государственной районной электростанции.

В текстильных городах нашей области приметны красивые однотипные каменные здания. К такому зданию сходится такое множество проводов, что издали оно кажется черной вуалью. Это подстанции ИвГРЭС.

ИвГРЭС подает ток многим фабрикам Иванова, Тейкова, Старого Писцова, Середы, Приволжска, Родников, Вячуги, Кинешмы. Чудесная сила, с невероятной скоростью несущаяся по проводам, повисшим над лесами, полями, деревнями и селами, дает свет — жизнь — движение, радость — культуру. Шумят станки

и машины, горят яркие огни в театрах, клубах, изба-читальнях, в рабочих поселках и деревнях, на улицах городов. Это вседневный, немеркнущий, драгоценный дар ИвГРЭС'а. Где же это замечательное предприятие, одна только мысль о котором вызывает чувство признательности?

Оно в Комсомольске.

Комсомольск — юноша.

Он появился на свет в первый период индустриализации великой советской страны. Ему только восемнадцать лет.

У Комсомольска своеобразный, примечательный облик. С первой минуты пребывания в Комсомольске ваше внимание привлекает к себе красивое монументальное здание ИвГРЭС. Оно похоже на многотрубный крейсер, пришвартованный к земле ажурными эстакадами и сотнями толстых черных проводов к окружающим лесам. Оно всегда дымит.

По эстакаде к бункерам станции круто поднимаются вереницами вагонетки с торфом, а на другой стороне станции опускаются вниз. Вверх и вниз, вверх и вниз, круглые сутки, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год тянутся они, и кажется, что тут их великое множество. Станция работает, как часы, заведенные навечно. Никогда не меркнет ее свет, никогда не иссякает ее благодатная сила, движущая станки, машины.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны станция не нарушила ритма своей выверенной работы.

Недалеко от станции красивый и удобно построенный клуб, новые здания школ, больницы, яслей, детского сада... Впрочем здесь все новое. Самым «древним» постройкам восемнадцать лет, и время не успело еще положить на них свою печать.

Недалеко от здания станции светлеет озеро, к нему подходят и от него уходят каналы, по ним свершается какая-то определенная циркуляция воды. Одной из самых мощных в нашей стране станций, работающих на торфу, оказывается, нужно очень много воды. С одной стороны эти каналы и озеро придают Комсомольску вид маленькой Венеции.

Каждый день приходит сюда из Иванова и отправляется обратно пассажирский поезд, не говоря уже о множестве товарных поездов.

Одна часть Комсомольска вся занята линиями железнодорожных путей. В Комсомольске, кроме вокзала ширококолейной железной дороги, есть вокзал узкоколейки, по которой можно уехать в глубь лесов и болот, туда, где добываются сотни тысяч тонн торфа. По этим дорогам его привозят с болот. Электровоз поднимает вагонетки с торфом под крышу котельного цеха, длиной этот цех более сотни метров, высотой с пятиэтажный дом. Как черные исполины, построившись

в ряд, стоят в нем колоссальные котельные агрегаты. Сила пара, сосредоточенная в них от сгорания торфа в огромных топках, приводит в действие турбинный цех. Денно и ночью котлы питают турбины паром, это царство блестящих машин, вырабатывающих электричество.

Валы турбин в своем неистовом движении свершают ежедневно несколько миллионов оборотов. Выработанный генераторами ток доводится до необходимого напряжения в трансформаторах и передается почти во все промышленные районы нашей области и даже за пределы ее, в кольцо электроснабжения соседних областей.

В Комсомольске — главные заботы и помыслы о торфе и электричестве. Комсомольск — это энергетический центр нашей области.

В свое время фабриканты для нужд фабрик свели лесные массивы, оттого давно уже наши фабричные районы похожи на степные места. Миллионы кубометров дров нужно бы подвозить к нашим фабрикам, если бы не торф. Жизнь текстильных фабрик Ивановской области начинается, можно сказать, здесь на болотах. Болота эти, когда-то гиблые места, дают им свет, тепло, энергию. Торф, добытый из необъятных здешних болот, используется на месте, его потребляет ИвГРЭС и передает уже промышленным предприятиям и городам готовую энергию.

Большинство населения Комсомольска и его окрестностей составляют энергетики, торфяники и транспортники. Многотысячный коллектив торфяников ежегодно добывает около миллиона тонн торфа. На огромных торфопредприятиях Октябрьском и Марковском применяется самый высокопроизводительный способ добычи — гидроторф.

Мощная струя гидромонитора вздымает слои торфа, вырывает пни, разбивает стволы полусгнивших деревьев.

Торфососы всасывают жидкую массу из-под гидромониторов. Торфяная масса идет по широким трубам и распределяется ровным слоем на полях сушки. Девушки цапкуют его здесь, складывают высушенные куски в змейки. На болотах есть свои герои больших трудовых достижений, награжденные орденами и медалями.

От выполнения планов добычи торфа Октябрьским и Марковским торфопредприятиями, от ритмичной работы ИвГРЭС зависит работа наиболее крупных текстильных предприятий Ивановской области. Поэтому топливу и электроэнергии Комсомольск отдает все свои силы.

Комсомольск готовит высококвалифицированные кадры энергетиков. Здесь много лет работает энерготехникум, Ивановский энергоинститут имеет свой филиал.

В Комсомольске живут и плодотворно работают 800 инженеров, техников, врачей, агрономов.

Комсомольский район славится культурным ведением сельского хозяйства, из года в год повышает урожайность колхозных полей и продуктивность животноводства.

Широкой славой в нашей области пользуется колхоз «Новый быт». Богатый электроэнергией ИВГРЭС в изобилии дает ему свет. Дома колхозников, контора, изба-читальня, склады, фермы — электрифицированы. Свиноферма артели «Новый быт» — одна из лучших в области. Многолетний опыт ее по выращиванию и откорму свиней описан во многих брошюрах и статьях, как пример для работников свиноферм других колхозов. Крестьяне этого колхоза работают дружно, упорно и успешно, собирая высокие урожаи зерновых, картофеля и овощей. Не отстают от них и колхозники артели имени Кирова.

В годы Великой Отечественной войны колхозники Комсомольского района работали с исключительной самоотверженностью и за время войны дали стране 382 тысячи пудов хлеба, 792 тысячи пудов картофеля, 160 тысяч пудов овощей, 65 тысяч центнеров молока.

Эти цифры — гордость района, его вклад в дело величайшей победы над фашистской Германией; они войдут в историю Комсомольска. Значительная часть партийной и комсомольской организации ушла на

фронт защищать честь, свободу и независимость любимой Родины.

Война еще более усилила любовь к Родине, преданность партии большевиков, и поэтому в суровые дни испытаний почти тысяча передовых людей промышленности, транспорта, сельского хозяйства Комсомольского района вступила в ряды партии Ленина—Сталина и встала на ответственные участки работы.

Много интересного рассказывают фронтовики Комсомольского района о своих боевых делах. Бывший колхозник-пехотинец Михаил Бедрышев участвовал в героическом форсировании Днепра, не подозревая о том, что его в это время надежно прикрывал с воздуха земляк, бывший электромонтер ИвГРЭС — летчик-истребитель Иван Корунов.

За участие в беспримерном переходе Днепра Михаилу Бедрышеву присвоено звание Героя Советского Союза.

За надежную защиту с воздуха наземных войск правительство наградило летчика Ивана Корунова также Орденом Ленина и медалью «Золотая звезда».

Чувство уважения и гордости вызвали у фронтовиков достижения товарищей, работавших в тылу, в родном Комсомольске.

100 энергетиков, торфяников, работников сельского хозяйства за время войны получили правительственные награды, многим организациям и

предприятиям вручены красные знамена — за высокий урожай, за учебу, за порядок в финансовых делах и т. д. В начале 1945 г. Ивановская ГРЭС отметила 15-летие своей работы и в связи с этим была награждена орденом трудового Красного Знамени.

В составе Комсомольского района находится древнее село Старое Писцово, родина старейшего ивановского поэта-текстильщика А. Н. Благова. В Писцове имеется большая текстильная фабрика, на которой в молодости работал наш поэт, и машинно-тракторная станция, обслуживающая колхозы Комсомольского района.

От Писцова до Иванова проведена шоссейная дорога.

Близость областного центра, напряженная и четко организованная работа ИвГРЭС, оказывая свое влияние, делают жизнь района культурной и оживленной. В нем 25 изб-читален и клубов, 33 больницы, родильных дома, фельдшерских пунктов, 35 школ, в которых обучается восемь тысяч ребят.

В. И. Ленин чутко относился к нуждам ивановских рабочих, помогал ивановцам восстанавливать фабрики еще в то время, когда не совсем была закончена гражданская война. В тяжелые годы разрухи он уже заботился об электрификации страны и, в частности, Ивановского текстильного района. 23 ноября 1921 г. В. И. Ленин написал: «Прошу поставить в Госплане

вопросы. 1) Об ускорении постройки и пуска в ход Иваново-Вознесенской районной (на Рубском озере) электрической станции, и 2) о включении в программу Главторфа на 1922 год разработки Рубских торфяных болот»...

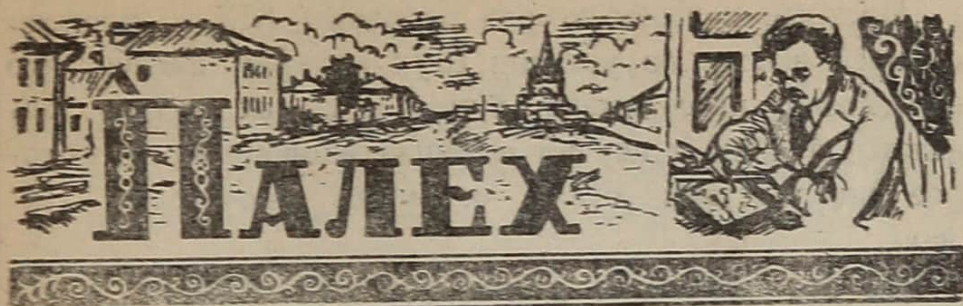
Через несколько лет были закончены работы по исследованию запасов торфа, окончательно уточнено место постройки станции, изысканы средства.

В 1927 г. на пустоши около села Миловского появились первые строители.

Через три года они выполнили задание правительства — построили мощную Ивановскую электрическую станцию. В течение этого времени была широко развернута добыча торфа.

В 1930 г. станция дала промышленный ток. С тех пор стал известен новый рабочий поселок Комсомольск.

Теперь Комсомольск — энергетическое сердце, центр одного из передовых районов, любимое детище г. Иванова и области.

В XII в. в числе многих других удельных княжеств было княжество Стародубское, владения которого простирались по среднему течению Клязьмы, тянулись дальше на север по рекам Тезе, Люлеху, охватывали пределы теперешнего Пестяковского района.

Столицей княжества был город Стародуб. Земляные валы этого стольного города можно видеть и теперь на высоком берегу Клязьмы около села, которое сейчас зовется Клязьменский городок.

Обширные пределы княжества делились между наследниками, из которых впоследствии образовались роды князей Пожарских и Палецких.

Из первого рода вышел великий русский патриот Дмитрий Пожарский. Род князей Палецких, рано захирев, исчез с исторической сцены.

Эта историческая справка говорит о том, что наше знаменитое село — академия — одно из древнейших поселений нашей области.

Местный историк второй половины XIX в. Борисов в своей работе по истории Шуи мельком замечает, что ему кто-то рассказывал, будто в Палех пришел однажды шуянин и научил палешан иконописанию, которое впоследствии стало основным промыслом Палеха.

Но это случайная и необдуманная обмолвка человека, который понимал иконопись, как кустарное производство. «Зашел и научил» — это чересчур упрощенное объяснение большого исторического факта. Передать культуру живописи мирового значения с налета — дело невыполнимое.

Существование гнезда талантливейших художников в Палехе заметно уже в далекие времена русской истории.

Недаром с испокон веков о палешанах ходили по России легенды, отзвуки которых слышны в повести «Запечатленный ангел» Лескова и в романе «Петр Первый» Алексея Толстого.

Подвассальное великому владимиро-суздальскому князю захолустное княжество Стародубское не играло заметной роли в стране. Его территория, представлявшая в большинстве своем лесную глухомань по реке Тезе и ее притокам, осталась в стороне от великих бед и разорений XIII столетия.

Монголо-татары, действовавшие всегда компактными конными массами по торным дорогам, полевым и

луговым просторам вокруг больших богатых городов, не могли отважиться на поход в лесные, таинственные дебри. Сюда в тихий край лесов и спокойных лесных речек и подались после разорения Владимира и Суздаля Батыем многие жители, а с ними искусники художества и ремесел.

Этим и объясняется образование на территории древнего Стародубского княжества наших драгоценных художественных сел — Палеха, Мстеры и Холуя.

Старинные художественные работы палешан считаются образцами русского иконописания.

Дело в том, что древнее искусство Палеха не кустарное ремесло. Нет. Это искусство мирового значения. Оно создано вековым творчеством народов христианской веры.

Многие века оно мерцало тихим животворящим светом в Эфиопии, Сирии, Греции, Армении и христианской Восточной — Римской империи и отложилось в стиль иконописного искусства, который условно принято называть византийским.

Из Византии оно вместе с принятием христианства было занесено в Россию. В молодой, полной жизненных соков и творческих сил талантливой стране, оно получило широкое дальнейшее развитие.

Но позднее в предреволюционные годы капиталисты-предприниматели низвели искусство иконописания до уровня ремесленного производства.

Художественные работы Палеха всегда ценились очень высоко и оплачивались хорошо, но только средства эти попадали не художникам, а иконным предпринимателям.

Мастерская Сафонова, в которой работало в среднем две сотни иконописцев и до сотни учеников, приносила дохода больше, чем текстильная фабрика средних размеров с несколькими тысячами рабочих. А художники, творцы редкостных ценностей, жили в беспросветной нищете. Радостное искусство стало для них «иконной каторгой».

Никаких писанных правил во взаимоотношениях между предпринимателем и художниками не было, все зависело от произвола хозяина. Владельцы мастерских не терпели никакого вмешательства в свои отношения с художниками и ревниво охраняли свои коммерческие дела, секреты своих баснословных доходов.

Древнее искусство Палеха привлекало к себе еще до революции многих искусствоведов. Сюда приезжали известные знатоки русских древностей граф Уваров, академик Н. П. Кондаков, но и с этими высокими гостями палехский иконный король Сафонов не поделился своими секретами, на что они указывают в своих путевых записках.

В огромных мастерских производилось массовое трафаретное изготовление икон. Ради ускорения производства, ради увеличения доходов капиталисты-икон-

ники как бы отстранили творческую душу художника. Работа была разделена на функции: один мастер «личник» — писал только головки, другой «доличник» — фигурки, третий украшал орнаментом. Искусство иконописи превращалось в фабричное производство. Об этом глубоко скорбел А. П. Чехов. Он имел к Палеху прямое отношение. Его мать в некоторой степени была палешанка; несколько лет прожила в этих местах, хорошо понимала иконопись и с глубоким чувством всегда вспоминала Палех.

В письме к академику Кондакову Чехов, сожалея об упадке палехского искусства, которое задыхалось в руках предпринимателей, писал:

«Да, народные силы бесконечно велики и разнообразны, но этим силам не поднять того, что умерло».

В другом месте он замечал по тому же поводу:

«...явятся новые фабриканты, которые будут фабриковать на досках по закону, но Палех уже не воскреснет».

Чехов ошибся в своих предначертаниях судьбы Палеха.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила бесконечно великие и разнообразные народные силы от капиталистических пут, и Палех был возрожден. Тут мало сказать, что он воскрес. Палех оживился на новой основе и встал на путь подлинного расцвета.

Первые условия художественной работы — радость творчества и свобода таланта. Октябрьская революция дала это палеханам. Они перешли на светские темы и чрезвычайно удачно нашли себя в искусстве миниатюры.

Лучшим из них присвоены звания народных художников, заслуженных деятелей искусств, имена их широко известны в нашей стране.

За годы революции они значительно подняли свой культурный уровень, научились тонко понимать красоту, ценить изящное, познакомились с русской, западной и восточной живописью и литературой.

Организация артели древней живописи вошла в историю Палеха как крупная историческая дата. Мысль о сближении палехского искусства с революцией возникла в гениальной голове палехского самородка — Ивана Голикова.

«Материально я жил тогда мерзко, но совершал революцию иконного искусства».

На фотографических ваннах из папье-маше Иван Голиков, имя которого становится теперь в Палехе уже легендарным, писал первые миниатюры. «Сам был участником боев и, видя кавалерийские схватки и битвы, пожары городов, деревень, ужас беженцев, детей, стариков, — все писал».

«...Смотрели, интересовались: дело новое. Спрашивали: а как дело дальше пойдет? Уверенно отвечал,

что будет артель, что будут приезжать иностранцы». Предсказания Ивана Голикова оправдались. Артель древней живописи стала жить и здравствовать и заслужила мировую славу. Произведения палешан бодрят, радуют сердца не только советских людей, но и наших друзей за границей.

Много иностранцев побывало здесь. Они рассматривали Палех как одно из ярчайших чудес обновленной революции страны.

Произведения Палеха удивляли их изысканной гаммой красок, тонким мастерством рисунка, хитрой сложностью архитектурного построения композиции.

О миниатюрах палешан можно сказать эпическими словами древнейшей русской летописи: «Златом украшены, всею добродетелью исполнены, изъмечтаны всею хитростию».

Корни их творчества как будто проникли до самого сердца родной земли, и потому в их стиле так много характерных черт русского народа: любовь к подлинной красоте, краткость, выразительность, умение выделить главное.

Палехские художники кровью и плотью связаны с родным Палехом, с сельской жизнью и многие дорогие благородные черты и обычаи сохранили от ее старины.

Палешане гостеприимны и приветливы, чутки и отзывчивы, благородно сдержанны и корректны.

Они помнят множество народных песен и умеют замечательно исполнять их. Они знают много сказок, постоянно изучают русскую историю, по-сыновнему любят героическое прошлое своей родины и находят в нем все новые и новые темы для своих композиций.

В неожиданности замыслов, в сюжетной стремительности, композиционной изобретательности, яркости и звучности цветовых гамм кроется прелесть неуправляемого, а потому и неподражаемого искусства палешан, умеющих «изъяснить» свою работу «всею хитростию».

В период Великой Отечественной войны Палех работал плодотворно.

В эти годы в сердцах палешан с особенной силой проявилась любовь к своему народу, к его истории, к победоносной Красной Армии. Вот почему военная и патриотическая тематика в творениях палешан занимает главное место.

Кроме того, стихия народной песни и сказки, особенно близкая палешанам, полнокровно жила в их творчестве в годы войны.

Много сделано художниками новых работ и на литературные темы. Произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова, Гоголя, Некрасова, Горького часто вдохновляют их на прекрасные произведения. Перечень новых работ только одних старейших художников Палеха занял бы очень много места. А. П. Чехов не мог и предполагать, что его произведения дойдут до пале-

шан и вдохновят их на изысканные композиции по чеховским темам.

«Поднялись, Антон Павлович, бесконечно великие и разнообразные силы народные, и воскрес Палех и живет большой творческой жизнью», — могли бы теперь сказать Чехову палехские художники.

Каким был Палех во времена Чехова? Друг его, академик Кондаков, оставил несколько набросков, дающих некоторое представление о старом Палехе.

«Места сплошь низкие, чем далее, тем более напоминали болота. Песчаные места, выступавшие наподобие отмелей, сменялись глубокими «грязевыми местами», как во времена «Слова о полку Игореве».

«В Палехе среди улицы пришлось вылезти из экипажа и пробираться задворками».

Теперь до села художников идет прекрасное шоссе, главная улица его также замощена. Это все сделано в наше советское время.

Палех теперь административный и культурный центр большого района, одного из передовых сельскохозяйственных районов области. Палехские колхозники славятся образцовым выполнением государственных заданий, патриотической отзывчивостью, преданной любовью к родине.

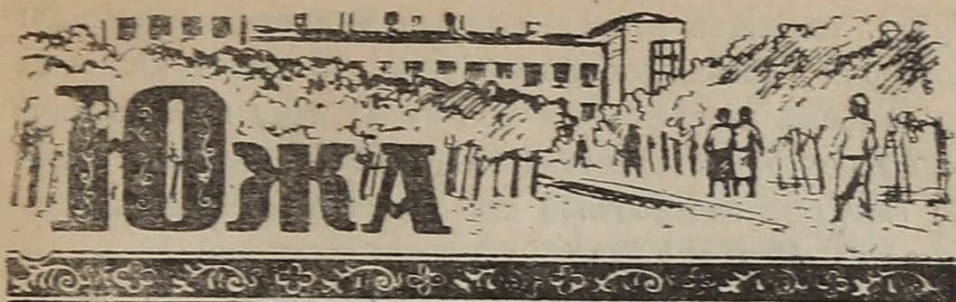
Лицо этого района, маленькой, но прославленной столицей которого является художественный Палех, строго определилось: интенсивное сельское хозяйство,

высокодоходное животноводство и замечательное искусство древней живописи.

«Бремя этого ремесла ложится всею тяжестью особенно на детей, и нельзя без тяжелого чувства глядеть на то, что терпит несчастное детское население», — писал в дореволюционное время академик Кондаков. Ничего похожего теперь нет в Палехе. Здесь есть теперь художественное училище, в котором мастерство древней живописи преподают лучшие художники.

В село-академию приезжает учиться талантливая молодежь не только из районов нашей области, но и других краев.

На смену старейшим мастерам придет надежная смена, и мировая слава Палеха никогда не померкнет.

Юже почти 400 лет.

В 1628 г. Южа упоминается уже как старое село.

Название оно получило от слова Юзга. Так именовалось болото, около которого разместилось село.

Болото Юзга руками крепостных крестьян было превращено в большое озеро. И получило почему-то новое название Вазаль. Жили в селе бедные крестьяне, работали на помещиков Протасьевых.

Так без особо примечательных событий, в глуши, в темноте, в подневольном труде, прожили поколения крестьян села Старая Южа два с лишком столетия.

В 1860 г. помещику И. А. Протасьеву пришла в голову мысль построить здесь фабрику.

Приближалась реформа 1861 г., крепостнические отношения рушились, нужно было приспособлять хозяйство к нарождающейся системе вольнонаемного

Привошу благодарность С. Арсеньеву, П. Антонову, Д. Чернявскому, Т. Шелкуновой, которые оказали мне помощь в сборе материала для очерков «Южа», «Гаврилов-Посад», «Ильинское», «Пестяки». Автор.

труда. Помещик решил заняться выгодным делом. Он построил деревянную фабрику на 16 тысяч мюльных прядильных веретен. Работать на фабрику пришло много обездоленных крестьян из соседних деревень. Около фабрики, построенной западнее Старой Южи, образовалась Новая Южа.

Не по плечу избалованному и непрактичному помещику показались заботы, хлопоты и беспокойства с фабрикой, и через пять лет он ее продал разбогатевшему дельцу из бывших крепостных мужиков Ассикриту Балину.

Заодно с фабрикой помещик продал 8 тысяч десятин леса. Ассикрит Балин повел дело ловко и умело. Через пятьдесят лет он и его наследники создали Южскую мануфактуру, которая имела 128 тысяч мюльных и ватерных веретен, 2020 ткацких станков. Южа из глухого местечка превратилась в крупный населенный пункт с 15 тысячами жителей.

Южа находится «в стороне, а в людях». Это народное выражение употребляется в том случае, когда хотят сказать об уголке отдаленном и глухом, но имеющем непосредственную и постоянную связь с миром. Дальность расстояния до железной дороги компенсировалась здесь водными путями. Мимо Южи протекает и недалеко впадает в Клязьму судоходная река Теза.

Со станции Шуя можно было перевозить грузы по Тезе и отправлять готовый товар на Нижегородскую ярмарку, в города Нижней Волги опять же по Тезе, а затем Клязьме и Оке. Но все-таки вдали от большой жизни, в 45 километрах от железной дороги, фабриканты Балины чувствовали себя, в своем рабочем поместье, как удельные князья.

Рабочие при 12-часовом рабочем дне получали в месяц 10—12 рублей, на руки же им приходилось 6—7 рублей, а остальные деньги уходили на штрафы и вычеты.

Жилищные условия были ужасны, в одной маленькой каморке ютились две-три семьи.

Но южские рабочие, несмотря на свою территориальную оторванность от революционного движения крупных промышленных центров, упорно боролись за свои права. В 1905—1907 годах забастовки южских рабочих следовали одна за другой.

Здесь сказывалось влияние и непосредственное руководство М. В. Фрунзе, который в эти годы вел революционную работу в Шуре, и как это теперь точно установлено, несколько раз посетил Южу.

Южские рабочие гордятся тем, что и они под руководством тов. Фрунзе принимали участие в революционной борьбе русского рабочего класса.

— За годы революции наш город переродился, — говорят южане.

Что же нового внесла Великая Октябрьская социалистическая революция в жизнь этого отдаленного городка?

До революции здесь было одно двухклассное училище с 158 учащимися. Среднее образование могли получать только дети обеспеченных родителей, которые имели средства, чтобы отправить своих детей учиться в города Вязники или Шую. В 1918 г. в Юже была впервые открыта средняя школа, организатором которой был Г. И. Фалеев, энергичный, образованный, любящий свое дело учитель. Имена людей, которые хорошо потрудились на благо народа, никогда не забываются, поэтому жители Южи до сих пор поминают добрым словом этого замечательного учителя.

Теперь в Юже две средних школы с 1470 учащимися, а всего в школах города обучается несколько тысяч школьников.

Средние школы Южи за годы революции выпустили сотни юношей и девушек в высшие учебные заведения, воспитали десятки героических защитников родины. Герои Советского Союза Яхнов, Брюханов, Кузнецов — воспитанники южских школ.

Стожков, Шутов, Кляузов — славные воины Красной Армии, имеющие по три и по четыре ордена, родились и получили воспитание тоже в Юже.

Награжденные орденами учителя Архипова, Шульгина, Евстропова учились в здешних школах.

В городе имеется 11 детских садов — целый детский городок, в котором воспитывается тысяча дошкольников. Для летнего отдыха школьников имеется прекрасный пионерский лагерь в березовой роще на живописном берегу реки Тезы. В нем ежегодно отдыхает 700 детей.

В Юже две библиотеки с богатыми книжными фондами, хороший клуб, в котором часто устраиваются концерты приезжих артистов.

Местные любители драматического искусства поставили пьесы «Платон Кречет», «Без вины виноватые» и много других. В городе открыты две школы рабочей молодежи.

За годы советской власти город вырос в два раза; вновь выстроено три рабочих поселка с 1200 домами, три школы, семь детских садов и яслей.

До революции в Юже был один врач и два фельдшера, а теперь в Юже одиннадцать врачей и пятьдесят человек среднего медицинского персонала. Южская мануфактура в настоящее время представляет собой мощное, основательно оборудованное предприятие, включающее в себя кроме основных прядильного и ткацкого производств, механический завод, ремонтно-строительные мастерские, литейный, лесопильный, кирпичный заводы, большое торфопредприятие, узкоколейную железную дорогу протяжением в 23 километ-

ра, бутово-известковые разработки, свое подсобное хозяйство и совхоз.

За годы Великой Отечественной войны фабрика работала 13 тысяч тонн пряжи и 91 миллион метров суровья.

Только одних премиальных средств за перевыполнение плана и за победу в социалистическом соревновании коллектив фабрики получил от правительства за 1944 г. свыше 2,5 миллиона рублей.

В течение 1944 г. коллективу южских текстильщиков трижды вручалось Знамя Государственного Комитета Обороны.

Из числа работников фабрики девять человек награждены орденами и медалями, в их числе ткацкий помощник мастера Чесноков, ткачиха Мамина, старая ватерщица Соловьева, кроме того 73 человека награждены значком «Отличник социалистического соревнования Наркомтекстиля СССР».

После Великой Октябрьской социалистической революции в городе и районе организована значительная местная промышленность. Восемь артелей и промколхозов, райпромкомбинат вырабатывают строчевые и швейные изделия, художественные коврики, валеную и кожаную обувь, мебель, лыжи, колеса, телеги, бочки, корзины, глиняную посуду, выполняя и перевыполняя производственные планы.

Южа является административным и культурным центром отдаленного, хозяйственно-крепкого района.

Сельское хозяйство его растет, повышается урожайность, увеличивается поголовье скота, усиливается его продуктивность. За время войны колхозы района собрали картофеля и овощей на 216 тысяч пудов и сена на 300 тысяч пудов больше, чем за четыре предыдущие довоенные годы.

Некоторые колхозы района добились особенно хороших результатов: колхоз «Коммунар» в 1944 г. собрал 12,2 центнера зерновых и 126 центнеров картофеля с гектара. Удой от каждой коровы в среднем составляет 2012 литров. Не отстают от него и колхозы «Пахарь», «Соревнователь» и другие.

Район располагает большими массивами леса, значительными запасами извести и огромными торфа.

Общая площадь торфяных залежей составляет двадцать тысяч гектаров. Сейчас работают только два торфопредприятия — Мугреевское и Южское, которые добывают ежегодно 200—250 тысяч тонн.

Экономическое развитие района сдерживает отдаленность его от железной дороги, поэтому здешнее население давно мечтает о строительстве железной дороги Шуя—Южа. Хорошо бы протянуть ее и дальше — до ст. Ильино Горьковской железной дороги. В районе линии этой будущей железной дороги имеется 86 миллионов тонн воздушно-сухого торфа. По этой

железной дороге можно вывозить ежегодно 400 тысяч кубометров древесины. Железная дорога оживила бы не только Южский, но и Палехский и Пестяковский районы. В состав Южского района входит известное село народных художников — Холуй.

* * *

Монголо-татарское нашествие нанесло страшный удар яркой, первородной русской культуре, набравшей соки своего цветения.

В домонгольский период каждый стольный и не-стольный, но значительный город, каждый княжеский двор имел певцов, гуляров, скоморохов, поэтов-сказителей, живописцев. Поэты — гуляры и сказители воспевали подвиги русских богатырей, военные походы князей, заморских гостей, купцов; живописцы украшали дворцы, соборы, монастыри, изготовляли иконы.

Домонгольская Русь занимала второе место в мире в развитии различных художественных ремесел. Она уступала первенство только Византии и шла впереди Аравии, Италии, Франции. Варварское нашествие диких кочевников нарушило всю экономику русских городов и нанесло страшный удар искусству.

Производство поливной строительной керамики возродилось лишь 250 лет спустя. Тиснение, чеканка, насечка металла, филигрань появились вновь через 150 лет. Даже каменное строительство прекратилось на сто лет. Искусство перегородчатой эмали, стеклянных

браслетов, шиферных пряслиц было совершенно забыто после нашествия татар.

Иконописное искусство, очень развитое в домонгольский период в таких стольных княжеских центрах, как Рязань, Владимир, Суздаль, после татарского нашествия сразу исчезает, и только многие десятилетия спустя возрождается в селах Палех, Холуй, Мстера, которые находились в глухих лесах, вдали от городов и больших проезжих дорог.

Все остатки художественной жизни прежних больших городов в тот страшный период русской истории перемещались в глушь, в места недосыгаемые, куда не могла дотянуться кровавая рука варвара.

...Группа княжеских челядинцев, холопов, или, по древнесуздалскому, холуев, и с ними несколько монастырских иконописцев покинули разоренный, потерявший свое былое богатство, славу и величие Суздаль и двинулись на северо-восток, в места тихие и потаенные, покрытые густыми девственными лесами.

Народная память сохранила имена предводителей группы древних беженцев, искателей новых спокойных мест.

Это были холопы, по древнесуздалски — холуи Баранка, Юрка, Путилка, Суска, Пузан, Костеря... Пройдя километров сто двадцать на восток от Суздаля, они встретили на своем пути значительную реку. Это была Теза. Перед своим впадением в Клязьму она

делилась на несколько рукавов. В протоках, старицах устья реки путники обнаружили обширные колонии бобров, мех которых очень высоко ценился и в древней Руси. Это большая находка. Бить этого смиренного безобидного зверька было легко. Путники порешили тут обосноваться.

Новоселы не заинтересовались землей. Это доказывает, что они, елуги и ремесленники, совершенно не были знакомы с земледелием. Эта особенность передалась и потомкам. Холуй никогда за всю свою историю не имел пахотной земли, не занимался хлебопашеством.

Новоселы ловили бобров, писали иконы на липовых и ольховых досках. Они великолепно знали пути и тропы к населенным пунктам и торжищам и возили туда продавать иконы и меха, но только своего местожительства никому не открывали.

Так прошла сотня, а может и две лет. Холуй стал крупным шумным селом, и скрывать его от людских глаз было уже невозможно. Тогда-то его и отыскали отцы — смотрители и казначей богатого и далеко известного Суздальского Спас-Евфимьевского монастыря, который владел огромными земельными угодьями. Стали разбираться они, «кто да что, да откуда» и узнали, что давно-давно поселились тут суздальские княжеские «холуи».

Князей в Суздале уже не было, и монастырские

администраторы присовокупили новое село к обширнейшим владениям монастыря-помещика. Они недолго думали над наименованием села и записали прямо — «Холуй». К слову — «село» — лучше подходило не множественное, а единственное число, и поэтому в названии села буква и стала краткой. Село росло. Оно стояло на водных путях Тезы и Клязьмы. Появились в селе трактиры, питейные заведения, торговые ряды. Три раза в году собирались в нем шумные ярмарки. Бобры давно были перебиты, иконный промысел стал основным средством существования жителей Холуя.

В селе появились иконные предприниматели Терентьевы, Блинные, Суворовы. Вольные иконописцы вскоре попали к ним в крепкую кабалу. Долгое время скрываясь от налогов и властей, Холуй не мог выполнять заказы церквей, монастырей, богатых домов. Холуй «работал» икону недорогую — для сельского рынка, для разноски по деревням. А жизнелюбивый народ выбирал иконный лик «покрасивей и поласковей», «с приветливым взглядом». Поэтому и мастерство здешних живописцев перекликалось как бы с мастерством фламандской школы.

Отличительные особенности этого художественного направления — полнокровие, жизнелюбие — придавали реалистическую манеру работам холуйских живописцев.

Выполняя спрос сельского рынка, холуйские художники придерживались широкой манеры письма, упот-

ребляли светлые яркие краски, создавали чисто русский тип лица. В этом отношении поразительно интересны иконы и стенные росписи в холуйской церкви, принадлежащие кисти местных художников. Здесь можно видеть изображения святых в лаптях и посконных рубахах, подпоясанных шнурочком. Вместо стилизованных коней с серповидными шеями и тонкими ножками на зеленых лужайках с невысокой травкой и скромными северными цветочками под наблюдением угодника Власия гуляют обыкновенные реальные крестьянские Бурки и Сивки.

Реалистическая манера так прочно утвердилась в творческих приемах холуян, что сказывается и в настоящее время. Фигуры на миниатюрах холуйских художников не имеют той византийской строгости, а иногда и сухости, которые присущи некоторым работам Палеха. Это дает холуянам возможность быть в своем творчестве ближе к современной жизни.

В наше время Холуй — село художественных промыслов. Здесь работает большая строчевая артель, женщины славятся как искусные вышивальщицы. Артель художников изготавливает яркие коврики и делает копии с известных картин. В Холуе есть школа, которая готовит новые кадры художников. Здесь для обучения искусству миниатюры учеников прикрепляют к мастерам.

Этот метод обучения требует постоянного наблю-

дения за правильностью рисунка, как его нужно покрыть, как расписать, описать, «выплавить» головы — это очень сложный процесс. Есть ученики, которые за три года пребывания в школе вполне привыкают работать.

При таком методе каждый ученик усваивает производственные особенности того мастера, у которого он обучается. Учеников «подсаживают» только к таким мастерам, которые являются большими художниками, имеющими свое творческое лицо, владеющими богатейшей техникой.

Но особенно славится Холуй группой старых художников-миниатюристов. Знаток древнерусской живописи, профессор Бакушинский, так расценивает работы здешних художников:

«В их работах появляется новая тематика, своеобразная живописная манера, много реалистического ощущения.

Все это является чрезвычайно ценным. Надо рекомендовать мастерам продолжать свои опыты на папье-маше в этом же направлении — создания реалистической, живописной по манере миниатюры, исходящей из традиций старой живописи Холуя. Вообще... живопись Холуя уже сейчас в значительной степени оригинальна, отличаясь от Палеха и Мстеры своим особым колоритом, большой живописной связанностью, хорошими реалистическими задатками в стиле».

Сергей Александрович Мокин — старейший в Холуе и наиболее прославленный художник.

Недавно он расписал большую шкатулку «Князь Игорь». На пяти сторонах шкатулки он изобразил все основные эпизоды знаменитого похода этого князя на половцев, пламенно воспетого древнерусским поэтом в «Слове о полку Игореве».

За эту работу С. А. Мокин получил благодарность и премию в 5 тысяч рублей.

Плодотворно работают над новыми произведениями и другие художники Холуя — К. В. Костерин и В. Д. Молев-Пузанов. Творчески растут молодые художники, ученики старейших мастеров Холуя, — Нина Крупина, Клавдия Уткина, Владимир Белов.

Холуй — второе после Палеха село народных художников.

Когда едешь от Фурманова к Плесу на восемнадцатом километре, в тихой полевой местности видишь фабрики, большие каменные дома, поселки. Это в прошлом село Яковлевское, ныне город Приволжск.

Встарину на покато́м увале над речкой Шачей стояли недалеко три деревни—Рогачево, Васильево и поселок Яковлевское. Жители их возделывали землю, а в зимнее время занимались ткацким и строчевыми промыслами.

Богатей из среды крепостных мужиков раздавали крестьянам основы, пряжу и получали от них готовое полотно, имели сновальни и ткацкие светелки. Самые преуспевающие из них — Сидоров, Дороднов, Крымов во второй половине прошлого столетия завели здесь механические льняные фабрики. Их не соблазнил заморский хлопок.

Лен — растение, которое многие века одевало Россию, несколько уступило хлопку, но не потеряло

своего значения. Яковлевские фабриканты продолжали выработку полотна, скатертей, салфеток, полотенец.

Фабрики находились в удобном месте, — в двенадцати километрах от Волги, что очень облегчало транспортировку сырья, а главное сбыт готовой продукции. Но вместе с этим некоторая отдаленность от больших городов давала фабрикантам возможность жить и относиться к рабочим по своему усмотрению.

Бесправное положение яковлевских текстильщиков толкало их на ожесточенную борьбу с фабрикантами. Здесь велась большая революционная работа, забастовки следовали одна за другой. Рабочие требовали повысить заработную плату на 20%, платить ежемесячно полтора рубля квартирных, платить в течение двух недель болезни, за простой станков при отсутствии основы, сократить рабочий день с 11½ до 10½ часов и т. д. Это были требования «с запросом». Рабочие не мечтали о том, что их фабриканты так «раскошелятся», но надеялись добиться некоторого улучшения.

Однажды длительная забастовка вынудила фабрикантов пойти на некоторые уступки — платить 15% прибавки, квартирный рубль, выдавать роженицам половину заработка в течение двух недель, устроить бани.

Рабочие требовали еще принять на работу своих уволенных товарищей. Фабриканты не соглашались.

Кто-то из них предложил решить дело третейским судом. Рабочие выдвинули в посредники одного из своих вожаков по кличке «Константин».

Тут фабрикант Сидоров, как ужаленный, вскочил с места и завопил:

— Ребятюшки, я дам вам 100% прибавки и 5 рублей квартирных, только гоните вы от себя смутьянов.

И перед одним из старых рабочих Сидоров в истерическом припадке опустился на колени. Человек неуравновешенный; скандальный, раздражительный, он вносил смятение и нервозность в свою семью. Сыновья выросли дурачками, а дочь Алевтина возненавидела и отца и вместе с ним всю свою среду, весь этот окружающий ее мир наживы и эксплуатации. В 1902 г. она открыла библиотеку, а в 1906—1907 гг. во время забастовок помогала рабочим деньгами.

В 1913 г. в Яковлевском побывал член Государственной думы IV созыва большевик Шагов. На собрании рабочих около деревни Ратово он рассказал о деятельности большевистской фракции Думы. Рабочие решили поддерживать с ней постоянную связь через газету «Правда». Шагов обещал высылать ее посылкой без цены на имя одного рабочего.

Обещание свое Шагов точно выполнил, и газета стала поступать в Яковлевское. «Правда», ярко освещавшая жизнь, нужды и борьбу рабочих за свои права, быстро завоевала авторитет среди яковлевских тек-

стильщиков, и они произвели сбор на поддержку своей газеты.

В 1913 г., в годовщину 300-летия дома Романовых, Николай II приезжал в Кострому. В те дни в Костроме была устроена промышленная выставка. Яковлевские фабриканты представили туда изделия своих фабрик. Особенно постарался блеснуть художественно-шитыми тканями фабрикант Сидоров.

После выставки множество гостей во главе с губернатором пожаловали из Костромы к Сидорову в гости. Фабрикант задал «пир на весь мир», споял даже девочек подростков — работниц ажурного цеха.

Рабочие написали об этом корреспонденцию, которую «Правда» напечатала.

Яковлевские рабочие ликовали, фабрикант неистовствовал. Полицейского надзирателя села Яковлевского он заставил дознаться, кто тут пишет такие статьи и каким путем приходит сюда эта зубастая газета. Рабочий, на имя которого высылалась газета, в конце концов был арестован при выходе из почтового отделения с «посылкой без цены» в руках. Посылку полицейские вскрыли, газету отобрали, рабочего арестовали.

Великая Октябрьская социалистическая революция избавила яковлевских рабочих от гнета и произвола фабрикантов. Они получили право на свободный творческий труд, сами стали хозяевами предприятий.

Все три фабрики были объединены в один мощный комбинат, широко известный в нашей стране своим производством сложных рисунчатых тканей.

В начале прошлого столетия механик из Лиона Жозеф Жаккард изобрел станок, который носит его имя. Этот станок, или по-иному машину Жаккарда, помещают над ткацким станком в качестве особого приспособления к нему. «Жакарды», — как их обычно называют ткачи, — дифференцируют движение нитей, действуя в строгой согласованности с ткацким станком.

На Яковлевском комбинате о лучших текстильщиках, умеющих работать на ткацких станках с жакардами, говорят:

— Это не ткач, а профессор.

Такие ткачи вырабатывают самые сложные узорчатые ткани с исключительной детализацией отдельных частей рисунка. Ткацкие станки с жакардами — это целые агрегаты, поднимающиеся в высь...

У каждого человека, впервые очутившегося в корпусе, заставленном такими станками, невольно на ум придет мысль:

«Не в дремучий ли лес я попал?»

Дело в том, что, поднимаясь от пола почти до самого потолка, эти станки-агрегаты с массой картонов, крючков, нитей в сочетании с частями машин похожи на таинственные заросли тропического леса.

Ввиду разнообразия сложноузорчатых тканей существует много типов и систем жакардовой машины; на Яковлевском комбинате есть жакардовые станки системы Вердоля и Венцензи. Наибольшей оригинальностью по общему признанию отличается машина Вердоля.

Производство сложноузорчатых тканей — это целое искусство, требующее талантливых людей. Прежде славу этих искусников узорчатых тканей присваивали себе фабриканты. Только после революции имена художников ткачества стали широко известны.

Узорчатые покрывала, разноцветные скатерти, полотенца, салфетки с вензелями, инициалами, гербами, вытканые на яковлевских фабриках, издавна славились на внутренних и международных рынках. На многочисленных выставках фабриканты получали медали и дипломы, а подлинные мастера ткацкого искусства, талантливые самоучки, создатели богатства и славы, работали никем не признанные в тесных и душных мастерских.

Редкостно одаренный рисовальщик Александр Виссарионович Лыткин создавал подлинно народные рисунки, полные чудесной красочности и простоты. Он много работал над рисунками, которые шли в ажурный цех для вышивки шелком. Широко известно имя другого рисовальщика Николая Авксентьевича Ильина. Сложноузорчатые ткани по семи его рисункам бы-

ли до войны направлены на международную Нью-Йоркскую выставку.

В распоряжении рисовальщика — самые что ни на есть скупые изобразительные средства. Строго продуман каждый штрих, точно рассчитана каждая линия, и вот на бумаге рождаются, как живые, цветы сирени, астры, астурии, ветки винограда или верный портрет исторической личности, жанровая картина.

Вместе с художниками в мастерской работают высококвалифицированные мастера-канвисты.

На листе бумаги при помощи точек и черточек канвист воссоздает рисунок художника. Если он не рассчитает или ошибется хоть на одну точку, вместо рисунка на ткани получится что-то несообразное. Ткацкий станок с жакардами — это не печатный станок, он ведь не дает отпечатка рисунка; подобно рукам искусной вышивальщицы, ткацкий станок должен вы ткать его. Вот этими руками у него и является машина Жаккарда. Рисунок поступает в эту машину, можно сказать, разъятым на части, в виде широких по разному продырявленных карт. Каждой нити утка, создающей ту или иную черту или штрих рисунка, соответствует карта картона с пробитыми в ней дырочками. Через эти дырочки проходят иглы Жаккардова станка, соединенные с крючками.

Количество крючков, которые ведут отдельные группы нитей основы, заставляя их выполнять опре-

деленное назначение в создании сложноузорчатой ткани, доходит иногда до двух тысяч и даже более.

За годы революции в Яковлевском построены новые дома, возникли новые улицы; Рогачево, Васильево, Яковлевское слились, образовали город со значительным количеством населения. Указом правительства новому городу присвоено название — Приволжск. В нем три фабрики, составляющие льнокомбинат, несколько промартелей, машинно-тракторная станция.

Приволжск у нас — самый молодой город. У него есть будущее. С течением времени он несомненно станет одним из районных центров нашей области.

Меня всегда глубоко волнует красота наших северных полей. В красоте этой есть особенное очарование ласкового, милого сердцу уюта. Едешь полями многие десятки километров и целыми часами не устаешь любоваться картинами природы, которые одна краше другой.

Вот небольшое село у подножья двух пологих холмов. А повыше села, на холме, молодая березовая роща. Она похожа на толпу девушек в белых чулках и зеленых платьях, спускающихся с холма.

С трех сторон слегка взгорбились и уходят за линию горизонта поля.

И кажется, что само-то село стоит в прекрасном светлом зале, созданном самой природой и со вкусом украшенном перелесками, березовыми рощицами, тихими долами и округлыми холмиками.

Дальше небольшая деревня. Она стоит на ровной луговине, покрытой изумрудно-зеленой атавой. Ого-

роды, поля овощей, виднеющиеся издалека, кажутся застывшими волнами зелени. И над этим разливом зелени полыхают факелы багряно-красных кистей рябины.

Чем дальше едешь от Фурманова к Плесу, тем природа все чудесней, все очаровательней. Наконец, перед глазами Волга и венец этой красоты — город Плес, изумруд севера.

В 1410 г. московский князь Василий Дмитриевич «повеле рубити град Чувиль».

В словаре Даля нет слова чувиль, но есть северное речение — чувилька — птичка, пташка. Чувиль строили на горном берегу Волги, на живописных холмах, в местах неопикуемой красоты. Леса, холмы, таинственные овражки кишели сонмами певучих северных пташек, и возможно за редкую красоту, за птичий гомон новый город и назвали птичьим царством, на северном наречии Чувилем.

Впоследствии это словно было забыто, и город стал носить новое имя — Плес.

Течение могучей реки здесь спокойное, русло прямое. Волга тихо несет свои воды.

Московский князь Василий Дмитриевич был родным сыном прославленного русского героя Дмитрия Донского, который в 1380 г. на Куликовом поле разбил полчища Мамай. Это был первый страшный удар по татарщине, терзавшей русскую землю. Золо-

тая орда не могла уже после этого оправиться, но татары еще целое столетие продолжали грабить русский народ. Василий Дмитриевич продолжал святое дело великого отца и вел упорную, непримиримую борьбу с Казанским и Крымским ханствами.

Новый город Чувиль — Плес контролировал волжский путь, защищал Москву от набегов разбойничьих полчищ казанских ханов. На самом высоком холме была построена мощная крепость. С высоты крепостных стен, как из орлиного гнезда, далеко-далеко просматривалась Волга.

Воины день и ночь бдительно держали сторожу. Они следили, не плывут ли снизу лодки казанских грабителей. Город-крепость не раз погибал в огне и битве и вновь оживал, строился, вновь собирал полки и мужественно бился с врагами родины.

После покорения Казанского ханства Иван Грозный установил на Волге вечный мир. Теперь Плес — город отдыха и вдохновения. Среди множества красивых городов, расположенных по берегам Волги, — этот самый красивый. Его зовут изумрудом севера.

Много знаменитых деятелей русского искусства приезжало сюда отдыхать и вдохновляться.

Не одно лето появлялся на улицах Плеса высокий, худощавый задумчивый человек в черной широкополой шляпе. Это был Исаак Ильич Левитан. Знаменитый художник-пейзажист долго искал самых типичных мест,

полностью отображающих все очарование северной русской природы.

После долгих скитаний по Оке и Волге Левитан попал в Плес. Изумруд севера очаровал художника.

«Наконец, добрались до Плеса, и он сразу нас обворожил. Мы решили остановиться... Городок оказался премилым уголком, удивительно красивым, поэтичным и тихим», — записала в дневнике спутница художника.

Целые дни Левитан проводил на холмах, в рощах, на полянах, окружающих Плес.

Он писал свои этюды под широким, густо подсиненным зонтом. Жители городка удивленно оглядывали исполинский зонт, кисти, краски и полные недоумения проходили дальше. Одна старушка приняла его за странника и положила ему в ящик с красками копейку. Левитан эту копейку долго хранил.

Левитан много писал здесь с натуры, ходил на охоту, осматривал древние церкви.

Плес — яркий изумруд волжских берегов, наградил Левитана радостью бытия, светлым чувством любви и восхищения русской природой.

Из Плеса Левитан возвращался с прекрасными картинами. Посмотрев их, А. П. Чехов сказал:

— В твоих картинах появилась улыбка.

Великий русский писатель был прав. Это была улыбка северных полей, перелесков, овражков, тропинок, улыбка Волги и поэтичного Плеса.

После Великой Октябрьской социалистической революции Плес стал любимым местом отдыха трудящихся, одной из самых известных северных здравниц.

Каждый год тысячи рабочих и служащих, сотни работников искусств поправляли здесь свое здоровье, набирались сил, душевной свежести. И в годы войны Плес не потерял своего значения. Сотни москвичей, ивановцев, кинешемцев отдыхают здесь.

Москвичи приезжают в Плес прямым сообщением по каналу и Волге.

Вот подходит к пристани огромный, новейшей конструкции пароход «Вячеслав Модотов». Он пришел из Москвы. На его обширных палубах тысячи людей. В их руках, как белые чайки, мелькают платки.

На берег сходят пассажиры. В числе их несколько десятков москвичей, приехавших сюда отдыхать. На холмах, на склонах холмов, в живописных зеленых ущельях между холмами расположился городок. А вокруг его в полях сосновые леса, березовые рощи — тихие, ласковые и приветливые.

На скамейке в сосновом бору сидит группа загорелых людей. Это отдыхающие в доме отдыха Всесоюзного театрального общества.

Этот дом отдыха расположился в Плесе просторно, заняв несколько светлых особняков. Тут отдыхают артисты многих московских и областных театров, режиссеры, искусствоведы.

В Плесе и его окрестностях отдыхают текстильщики, лечатся и набираются новых сил офицеры и бойцы Красной Армии. Все отдыхающие и больные восхищены этим живописнейшим уголком нашей прекрасной родины и довольны своим пребыванием здесь.

Хорошее питание, красота местности, замечательный воздух быстро восстанавливают силы, поднимают жизнедеятельность.

Плес имеет большое значение не только как великолепная здравница. Для Ивановской области он может стать вторым волжским портом после Кинешмы.

Тут встает вопрос о строительстве шоссейной дороги. Шоссе, ведущее из Иванова в Середу, необходимо продолжить до Плеса. Тогда область будет иметь второй и даже более близкий выход на Волгу.

В Плесе находится один из старейших в Советском Союзе — сельскохозяйственный техникум. Здесь работают областные одногодичные курсы плодоовощеводов. В хорошо организованном учебном хозяйстве «Миловка» они имеют все условия для прохождения практики под руководством высококвалифицированных специалистов.

В дальнейшем Плес, как один из важных пунктов сельскохозяйственной учебы, может играть еще более важную роль.

В 1228 г. великий князь Владимирский Юрий II (Георгий) проезжал водным путем из Ярославля во Владимир. Эта поездка была предпринята с целью обследования водных путей Владимиро-Суздальского княжества. От Ярославля до только что основанного Нижнего-Новгорода нужно было проехать по Волге, там свернуть в Оку, потом в Клязьму, и по ней уже против течения взбираться до самого Владимира. Эти реки были главными путями сообщения княжества. Князь остановился на горном берегу Волги напротив впадения в нее большой лесной реки Унжи и приказал на этом месте «лес сещи» и ставить город-крепость. Назвал он его по своему имени — Юрьевцем. И стал город жить и расти. В древности, когда люди общались только колесными и водными путями, стоял Юрьевец на обычной большой дороге с юго-востока на север, играя роль значительного стратегического пункта, защищал вход в Унжу и часто подвергался набегам

орд золотоордынских и казанских ханов. Особенно опустошительный набег Юрьевец пережил в 1536—1537 гг.

Ордынцы все предавали огню и смерти. Юрьевчане, зная низменные, звериные наклонности степных варваров, отправляли жен, детей, стариков, свое имущество на противоположный берег Волги и прятали их там в глухих унженских лесах, сами же заперлись в крепости и сражались до последней возможности. Степняки, ворвавшись в крепость, грабили и жгли город, громили церкви, заставляли священнослужителей плясать в сапогах, наполненных горящими угольями.

Крепость Юрьевец очень долго сохраняла свое значение. Это видно из того, что в 1661 г. по указу царя Алексея Михайловича в дополнение к деревянной на соседней горе была заложена новая крепость с пятью каменными башнями на восточной стороне и каменной стеной, обращенной к Волге.

В Юрьевце содержался значительный гарнизон, не худо по тому времени вооруженный. По писцовой книге 1676 г. вооружение юрьевецкой крепости состояло из 8 пищалей железных и 2 медных, запаса «зелья» 353 пуда, 11 пудов свинца, 4 пуда фитиля, 488 ядер железных, 5 пудов пуль свинцовых, 200 мушкетов, 200 банделеров, 400 топориков, 200 бердышей и 550 рогатин.

К этому времени относится пребывание в Юрьевце протопопа Аввакума. Этот известный главарь старооб-

рядчества родился недалеко от Юрьевца, в заволжских лесах на Кудме-реке. Неистовые споры его с патриархом Никоном как молиться: «щепотью» или «двумя перстами», сколько раз провозглашать «аллилуйю» и т. д. ни в какой мере не интересуют наших современников. Но в те времена они волновали умы и, казалось, потрясали основы церковной и царской власти до того, что Никон отправил Аввакума «за хулу на царя» в заточение, а потом на костер.

Протопоп Аввакум оставил несколько литературных произведений, главное из которых «Житие» — первый в русской литературе опыт автобиографии.

«Житие» Аввакума написано живым русским, почти разговорным языком, доступным народу, и являлось встарину не только нравоучительным, но и занимательным чтением. «Понеже люблю свой русский природный язык, виршами философскими не обык речи красить», «не уничижаю своего языка русского», — написал Аввакум в предисловии к «Житию».

Человек большой силы воли, необычайной прямоты характера, этот правдоискатель, с одной стороны, и фанатический защитник старых церковных и светских форм жизни, с другой стороны, кажется, не уживался нигде и ни с кем — не ужился он и в Юрьевце. После непродолжительного служения в юрьевецкой соборной церкви он вызвал среди населения острый конфликт, и, как везде с ним бывало, «пострадал» за это.

«Государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, — только осмь недель: дьявол научил попов, и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовные делал, и, вытаща меня из приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода окола двора поставил... Аз же, отдохня, в третий день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам—третий ушел к Москве... Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцать, в Юрьевце остались: неведомо живы, неведомо-прибиты! Тут паки горе».

По поводу этого инцидента можно сказать — нашла коса на камень. Кремневый характер поборника старых устоев веры, его яростные «обличения» пришлись не по духу суровым и тяжелым на руку волгарям, и они решительно рассчитались с неугодным им протопопом.

С Волги, из среды бурлаков, рыбаков, славщиков, выходило немало сильных характеров, могучих духом и телом русских людей.

«Новая Сибирская летопись» свидетельствует, что родители Ермака происходили из Юрьевца-Поволжского. Сам он некоторое время работал на Волге и Каме. Настоящее имя его Василий Тимофеевич, а Ермак — прозвище, по старинному местному речению значит жернов.

В 1609 г. юрьевчане под начальством сотника Федора Красного организовали сильное ополчение, вели успешную борьбу с бродячими шайками пана Лисовского, ходили помогать кинешемцам, а в 1612 г. юрьевецкий отряд вошел в ополчение Мицина и Пожарского, которое по пути в Москву останавливалось в Юрьевце.

Пришли другие времена... Древние деревянные стены крепости сгнили и разрушились, а каменные башни и стену, которые следовало бы сохранить, как редкие исторические памятники, неособенно культурные градоправители екатерининских времен разобрали и употребили камень на постройку казенных зданий. В начале 1870 гг. в городе возникла льняная фабрика.

К знаменательным событиям последующих лет относится посещение города Владимиром Галактионовичем Короленко. Он приезжал в Юрьевец по поводу солнечного затмения, наблюдения за которым лучше всего можно было вести в этом пункте земной поверхности. Сюда съехалось тогда много ученых. Их юрьевчане называли «астроломами». Короленко написал

после этой поездки очерк «На затмении», из которого явствует, что культурный уровень жителей Юрьевца тогда был невысок. Темные суеверные горожане, не имевшие никакого представления об устройстве вселенной, угрюмо смотрели на телескопы и палатки астрономов и осыпали их угрозами. Это говорит о том, что дело народного образования в старом Юрьевце находилось в самом жалком состоянии.

Прославленный пейзажист, певец русской природы, Исаак Ильич Левитан приезжал в Юрьевец и на другой стороне Волги, в местности, называемой Криво-зерье, наблюдал дивные пейзажи. Здесь он создал замечательную, широко известную картину «Вечерний звон».

Восьмой век живет город и становится все оживленнее и краше.

Вот как это изображает наш поэт Д. Семеновский:

А внизу пред подножием глинисто-рыжих холмов,
Весь в звучании бодрого гула,
Расстилагся Юрьевец лентой садов и домов,
Унжа к Волге сестрою прильнула.
Лесопилка-оса над поволжской звенит шириной,
И скликают народ на работу заводы.
Не княжой, не купеческий, — новый, иной
Город смотрится в светлые воды.

В Юрьевце сейчас огромный лесопильный и дерево-

обделочный комбинат, большая льнопрядильная фабрика.

По большим лесным рекам, впадающим в Волгу недалеко от Юрьевца, сплавляется масса бревен, дров, а поэтому Юрьевец является большим лесозаготовительным и сплавным центром. Он снабжает древесиной Балахнинский бумкомбинат и лесоматериалами безлесные просторы нижней Волги. Издавна Юрьевец славится своими «пожнями», заливными лугами по берегам Волги и нижнего течения Унжи, дающими большие укусы трав.

На обширных островах Волги, русло которой за Юрьевцем делится на несколько рукавов, великолепно произрастают овощи. Здесь расположился пригородный совхоз «Маяк», известный высокими урожаями и хорошей организацией труда.

Мичуринец Обидиентов вырастил в Юрьевце виноград. Он вырастил не куст, не два, а целую плантацию и собирал с нее сотни килограммов винограда. Теперь на основе опыта этого мичуринца здесь создано целое хозяйство, субсидируемое государством. Юрьевец является, кажется, самой северной в мире точкой произрастания винограда.

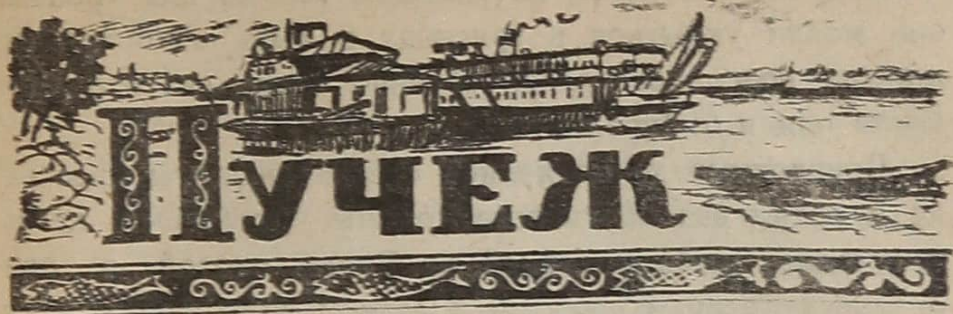
Юрьевецкий район занимает первое место в области по площади, занятой льном, и располагает большими, хорошими кадрами мастеров по выращиванию и обработке его.

Юрьевец находится в шестидесяти километрах от железной дороги, и зимой сообщение с ним несколько затруднено.

Курсирующие в зимнее время по шоссе Юрьевец — Кинешма автомашины не могут полностью справиться с потоком грузов и пассажиров. Весной, когда вскрывается Волга, Юрьевец оживает.

Сюда на каждое лето приезжает из Кинешмы труппа артистов, открывается летний театр в парке, что раскинулся по берегу Волги. Но и зимой Юрьевец не прозябает: работает, учится, разумно проводит досуг. В городе есть большая библиотека, несколько средних школ, льноводный техникум, клуб, звуковой кино-театр.

Но велика любовь юрьевчан к своей красавице Волге, и они каждый год с нетерпением ждут красных весенних дней, когда она очистится от льда и теснее свяжет их с соседними районами и городами.

Велика наша матушка Волга. Много по ее берегам городов, городков, деревень, сел, заливных лугов, пахотных земель, пустырей, лесов и глухих урочищ. Встарину лесов и пустошей, непролазных пучин было еще больше, они тянулись на многие десятки верст. Измученному барщиной, истомленному нищетой крепостному волгарю нечего было бежать в далекие вольные степи. Волгари знали берега любимой реки и убегали от барского ярма в такие дикие поволжские урочища, куда самый бесстрашный царский чиновник опасался сунуться.

Одно из таких мест, где скрывались от боярского произвола бедняки и холопы, было на месте теперешнего города Пучежа.

Высокий горный берег раскалывала речка Пушавка, а по речке этой тянулось пучистое место, которое пучило, вздымало подземными ключами. Такое место было очень удобно для беглых.

В случае опасности по известным только ими тропам они могли укрыться в трясинах и быть недосягаемыми для преследователей. Именно такие спасительные места они и выбирали.

Доведенные до последней степени нищеты крестьяне и сотни раз обиженные холопы, укрываясь здесь, занимались рыбной ловлей на Волге, охотой в прибрежных лесах, сбивались в артели волжской вольницы, которые выезжали к проходившим по Волге торговым судам на «промысел». Это не был разбой с оголтелым грабежом и убийствами, что чересчур бы резко восстановило все окружающие города и села против обитателей пучистых мест по речке Пушавке. Нет, эти волжские пираты обычно угрозами заставляли владельцев груза «откупиться» от них и пропускали дальше.

В здешних местах сохранилось сказание о некоем атамане по прозвищу Пучинский, который не пропускал ни одного судна, чтобы не взять своего рода дань.

Тут нужна была некоторая осторожность, чтобы не переступать чувства меры и не вызывать на себя в конце концов страшной ответной кары.

Все это было давным-давно и известно только из народных преданий.

Но как бы то ни было — эти люди положили начало селению, которое стало именоваться слободкой

Пучищею, которая в 1614 г. значилась в ведении дворцовой конторы.

В конце XVI в. в слободке Пучище был построен Путовинско-Воскресенский монастырь. Причина основания здесь значительного монастыря вполне понятна. На протяжении более сотни километров тянулись тут глухие места, обитатели которых с испокон веков не отличались прилежанием к церкви. Монастырь должен был привить им религиозное чувство и, кроме того, обуздать дерзких потомков волжской вольницы.

Все обширные окрестные земли отошли к монастырю. Жители слободки Пучищи стали монастырскими крестьянами, им пришлось обрабатывать земли монастыря.

В XII и XIII вв. владимиристо-суздальские князья совершали многочисленные походы на Волгу и Каму через Шую и Лух.

В период возвышения Московского княжества приобрела значение дорога, которую в Москве называли Стромьинской. Она уходила из Москвы на северо-восток мимо подмосковного Стромьинского монастыря и оттого получила свое название.

Дорога шла в направлении Шуи и Луха. Возможно она терялась в лесах, но можно думать, что доходила и до Волги. В этом случае естественным выходом этой дороги к Волге был Пучеж. Полагают, что по ней проезжал и Петр Великий в свой персидский

поход. Известно, что он как раз во время этой поездки останавливался в Шуе.

Пучеж хорошо был известен в Москве, и оттого в Путовинско-Воскресенском монастыре появлялись таинственные ссыльные, о которых ходили слухи, что это опальные особы царского рода.

В 1793 г. слободка Пучища была переименована в посад Пучеж. В нем было уже тогда 1600 жителей. В конце XIX столетия он являлся одним из приметных торговых центров. Пучеж вел широкую торговлю льном, хлебом и лесом.

В деревушках и селах, затерявшихся в глубине поволжских лесов и полей, вырабатывалось множество всевозможных кустарных изделий.

Рогожи, дуги, бороны, телеги, решета, дешевые столы и стулья, деревянные игрушки, кадки, лоханки, деревянная столовая посуда занимали на пучежских базарах виднейшее место и расходились отсюда во все концы. В Пучеже скупалось ежегодно до миллиона пудов льна, тысячи бочек масла.

Каков облик Пучежа дореволюционного времени?

В центре двухэтажные дома купцов. В нижнем этаже лабаз, в верхнем — унылые покои лабазника. Склады льна и щепного товара. Трактиры с механической музыкой.

В базарные дни шумный торг, зазывные крики торговшей, божба и Зрань, свист детских дудок, хлопанье

трактирных дверей, пьяные песни... В обычные дни тишина и безлюдье. Купцы и приказчики изнывают от скуки, играют в шашки, проделывают дикие забавы.

Вечером обитатели Пучежа выходят на берег гулять. Приваливают и отваливают от пристаней пассажирские пароходы, буксиры надсадно тянут за собой караваны барок.

Мила, красива, хороша прекрасная Волга, но только живет и красуется она половину года.

Наступают короткие осенние дни, темнеет, мрачнеет светлое лицо Волги, и у жителей Пучежа начинают ныть сердца.

Скоро-скоро погаснут огни на реке, уйдут пароходы, и Волга на шесть месяцев уснет под ледяным покровом. До больших, самых ближних городов больше ста километров в любую сторону. Случись какое дело, — надо брести пешком или в лучшем случае тащиться на лошадях. Зимой Пучеж как бы впадал в спячку. Ни культурных развлечений, ни общественных интересов не было. И в этой тишине, словно круги по воде тихого омута, расходились слухи о причудах и шумных попойках местных воротил Денежкиных и Перевозчиковых.

Но вот приходила весна. Волга срывала с себя ледяной покров, появлялись на ней первые расшивы и кладнушки, базары становились шумнее и многолюднее.

До появления на Волге пароходов пучежские базары были местом найма большого числа бурлаков.

«На базар съехалось народу со всех концов видимо-невидимо. Улица, где обыкновенно рядили бурлаков, набита была битком; народ как будто бы слился в ней в одну сплошную массу.

Каждая артель бурлаков обыкновенно выбирает из среды себя одного стоящего человека в подрядчики, с которым хозяин судна улаживает в цене, в виду всех бурлаков, но только речь уже ведется одним подрядчиком. Иногда артель объявит подрядчику, по секрету, самую последнюю цену, на которую он может, в крайнем случае, согласиться; но большею частью цена устанавливается при самой ряде. Случается, что подрядчик стакнется прежде с хозяином, а потом при ряде делает большие уступки. Бурлаки как-то скоро пронюхивают об этом и, как дикие звери, бросаются тогда всею артелью на изменника, отузят его в бока своим судом и тут же выставят из артели нового подрядчика».

Так происходило в Пучеже лет сто тому назад. Писал об этом один замечательный пучежанин. Забытое имя его сейчас едва ли кому известно в Пучеже.

Это Павел Алексеевич Зарубин, талантливый самоучка-изобретатель и писатель. Родился он в Пучеже 10 мая 1816 г., умер в Петербурге в 1886 г.

Писатель-пучежанин П. Зарубин написал романы

«Жизнь», «Торговая Волга», «Мещанская женитьба», «Происшествие сороковых годов».

Впоследствии он объединил все эти вещи в одно произведение и в 1872 г. издал в виде большого двухтомного романа «Темные и светлые стороны русской жизни».

В его романах много любопытнейших черт из быта пучежан, так как его творчество носит ярко выраженный автобиографический характер. П. Зарубин дает живые и подробные описания судоходства на Волге в середине прошлого века, ярко рисует интересные типы бурлаков, судовладельцев, волжских купцов.

С введением пароходства многие из бурлаков стали матросами, штурвальными, кочегарами, а некоторые помощниками капитанов и капитанами.

В середине прошлого столетия фабрикант Сеньков построил в Пучеже льнопрядильную фабрику, на которой работало около тысячи рабочих. Льна и топлива здесь на месте было в изобилии, вывозить готовую продукцию было легко и удобно, но только летом. С окончанием навигации на Волге Пучеж становился глухим, затерянным посадом. Только кривые далекие проселочные дороги связывали его с большими городами. Трудный и долгий это был путь. Поэтому пучежане редко куда-либо выезжали, только какая-либо большая нужда, неотложное дело выгоняли их зимой из своего тихого посада.

В 1913 г. пучежские торговцы и промышленники усиленно добивались проведения железной дороги к Пучежу от Шуи через Лух. Железнодорожная линия, следовательно, прошла бы как раз по той самой короткой прямой Стромьинской дороге, по которой ездили в допетровские и петровские времена.

Настойчивые хлопоты о проведении железной дороги до Пучежа не дали никакого результата, так как вскоре наступила война 1914 г. С тех пор вопрос о пучежской ветке ни разу не поднимался.

В 1919 г. Пучеж был переименован в город. К нему экономически и географически тяготело множество деревень и сел, и потому шли тогда разговоры об организации Пучежского уезда. Этот вопрос нашел свое разрешение через десять лет, когда при организации Ивановской области был создан Пучежский район. Это большой район. Он раскинулся от границ Юрьевоцкого и Сокольского районов до границы Горьковской области.

В этом крупнейшем сельскохозяйственном районе нашей области основной культурой является лен. Пучежские льноводы наряду с юрьевоцкими считаются лучшими в области. Многие из них на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке были награждены золотыми и серебряными медалями.

В Пучеже работают два завода по первичной обработке льна.

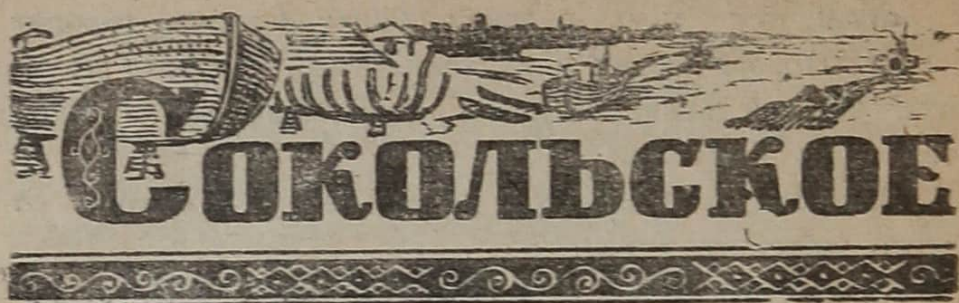
«Мни лен доле, волокна будет боле», — говорит народ. Но эта минка или трепка льна — работа трудная, утомительная, пыльная, требующая много рабочей силы и времени.

Льнозаводы избавляют пучежских колхозниц от этого тяжелого труда.

Пучежский район собирает хорошие урожаи зерновых, на волжских островах разбиты огороды, дающие большие урожаи овощей. В городе есть рабочий клуб, большая районная библиотека, в районе густая сеть школ, изб-читален, больниц.

Пучежане очень любят Волгу и многие работают матросами, штурвальными, водоливами, грузчиками, сплавщиками; дети их часто едут учиться в Горький, в институт водного транспорта.

Мечта о железной дороге не покидает пучежан. Но теперь уже и по зимам Пучеж не чувствует себя оторванным от больших городов. Со станцией Кинешма через Юрьеvec он поддерживает автомобильную связь.

Осень. По Волге гуляет студёный резкий ветер, взбивая белые барашки; река делается мрачной, строптивой.

Пароход идет полным ходом, не приваливая к пристаням, и быстро скрывается из глаз.

Волжские старожилы знают, в чем тут дело, и говорят:

— В Сокольское пошел на зимовку.

Волга становится все холоднее и холоднее; уводят пристани, причаленные к берегам барки, баркасы, убирают лодки. Волга покрывается тонкой коркой льда. Но вот еще, к удивлению всех, идет пароход, раскальвая носом первый ледок. Волгари верхней Волги жалостно смотрят на него и говорят:

— До Сокольского, пожалуй, ему не дойти, закует его в лед где ни-то в дороге. Где же это он так задержался.

Среди волгарей начинается разговор о завтрашней

погоде, возникает спор — дойдет или не дойдет этот пароход до Сокольского.

На зиму много пароходов верхней Волги собирается в Сокольский затон. Пароходы встают в затоне правильными рядами. Зимой их тут ремонтируют, красят, чистят. Всю зиму стучат здесь молотки кузнецов, болтовщиков, конопатчиков, шпаклевщиков. Как гигантские шмели, гудят аппараты электросварки, громяют топоры плотников, шаркают фуганки столяров...

Весна. Волга стащила с себя ледяной покров и отправила его на своих бурных весенних волнах вниз под горячее солнце сталинградских степей и астраханских песков.

По Волге еще медленно плывут последние редкие ноздрястые льдины, а по верхней Волге разносится радостная весть:

— Из Сокольского вышел вверх первый пароход.

На лицах волгарей улыбки, волгари становятся оживленными, расторопными, разговорчивыми. Через короткое время новая весть:

— Пароход из Сокольского вышел вниз.

Навигация, стало быть, открылась, на Волге началась большая, веселая, трудовая летняя жизнь.

Летом какой-нибудь пароход потерпит аварию, и вот буксир тянет его по широкой Волге, как баржу.

— В Сокольское лечить повели, — говорят тогда волгари.

В Сокольском большая судоверфь, известная по всей Волге.

Лесная капризная Унжа впадает в Волгу около Юрьевца. В седой древности, она, говорят, впадала в Волгу значительно ниже Юрьевца. Около Сокольского есть село, которое носит название — Устье. Сокольская судоверфь находится в затоне, который глубоко вдается в левый берег Волги. Эта естественная заводь, как говорят, и является старым устьем Унжи. Когда Унжа так резко изменила свое нижнее течение и отчего это произошло — неизвестно, и только народные предания твердо хранят память об этом.

Не только одно село, но вся та часть Сокольского района, где проходила когда-то Унжа в своем нижнем течении, называется Устьем.

В давние времена в Сокольском затоне строили суда из дуба. Тогда здесь были заповедные дубовые леса. Остатки дубовых лесов можно видеть на территории района и сейчас. Встарину здесь строили небольшие легкие суда своеобразного типа, которые назывались соколами. Оттого это село и получило название — Сокольское.

Между прочим до сих пор одно место на волжских баржах называется сокольней.

Сокольское началось от судоверфи, и сейчас главным жизненным нервом этого районного центра является судоверфь, которая не только ремонтирует пароходы, но строит несамоходные суда большой емко-

сти и газоходы — небольшие газогенераторные винтовые суденышки для малых рек.

Сокольская судоверфь работает иногда хорошо, а временами не особенно.

— В прошлом году мы работали неплохо, — говорит директор верфи, — это нас успокоило и привело к тому, что в нынешнем году мы работаем хуже. Основная рабочая сила на судоверфи — молодежь. Она решает успех производства.

При судоверфи организована школа фабрично-заводского обучения, которая готовит судовых плотников, конопатчиков, шпаклевщиков, слесарей, столяров, кузнецов...

За пять лет своего существования школа выпустила тысячи новых рабочих этих специальностей. Они работают теперь на многих судах морского и речного флота, часть их осталась и в родной Сокольской заводи.

Некоторые из этих подготовленных школой рабочих побывали на фронте и там проявили себя как хорошие саперы и воины.

Кстати сказать, фронтовики из жителей Сокольского района честно и отважно постояли за любимую Родину. Вот сержант Забурдаев. С первых дней до конца войны он провел на фронте, награжден двумя медалями «За отвагу» и орденом Славы. С боями он прошел тысячи километров, не раз смотрел смерти в глаза.

...Склад боеприпасов от огневых позиций отделяло заболоченное пространство.

Когда потребовались мины, первым за ними, возглавив группу бойцов, бросился сержант Забурдаев. Итти пришлось по колено в воде, под огнем противника, но мины были доставлены.

Заменяя наводчика и заряжающего, Забурдаев из миномета уничтожил до 20 немцев и подавил две огневые точки противника.

— В чем вы черпали свои силы и бесстрашие? — спросил его корреспондент армейской газеты.

— Я принял присягу быть честным и храбрым бойцом... В бою я выполнял святую клятву, и это придавало мне бесстрашие, — ответил Забурдаев.

Воинов, подобных Забурдаеву, выходцев из этого района, можно бы назвать сотни.

Сокольское дало фронту много терпеливых, выносливых, упорных и сильных бойцов.

Такие люди, знаменитые русские воины, за боевыми делами которых с восхищением смотрел весь мир, — плотники, столяры, конопатчики, кузнецы, слесари, работая дни и ночи под огнем противника, могли быстро навести мост, расчищать минные поля, прорывать неприступные вражеские линии обороны, проходить с боями без сна сотни километров и сохранять при этом силы и бодрость духа.

Много нового и значительного внесла в жизнь

Сокольского Великая Октябрьская социалистическая революция.

До Великой перемены в Сокольском была одна начальная школа и ни одного врача. Теперь здесь средняя школа, которая славится хорошей постановкой учебной работы, хорошая районная больница с врачами специалистами почти по всем болезням.

В этом районе работает много интеллигенции, в среде которой есть подлинные энтузиасты своего дела. Все помнят и знают здесь Михаила Владимировича Краснухина, который трудился на ниве народного просвещения более полусотни лет. Много лет он учительствовал в Дорофеевской школе, которая стоит на дороге Сокольское—Ковернино, на дороге, уходящей в глухоманные ветлужские леса.

Старый учитель Краснухин сумел привить своим питомцам такую любовь к знаниям, что некоторые из них пошли учиться дальше и добрались до вершин науки. Бывший ученик Дорофеевской школы А. Гусев стал доктором медицинских наук, Д. Кузнецов — ныне профессор Алма-Атинского университета. Мы взяли для примера только одну сельскую школу.

Такие же характерные для нашего времени штрихи можно отметить в истории других школ района, в недавней истории, первую страницу которой открыла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Сокольское еще небогато культурными учреждениями. Здесь есть клуб водников, кинотеатр, районная библиотека. Кажется немного, но, признавая это, не надо забывать, что до революции здесь совершенно ничего не было.

Кроме верфи, в жизни районного центра играют свою роль промысловые артели и машинно-тракторная станция.

Сокольская МТС никогда не выдвигалась в передовые. Она или отстает или, в лучшем случае, работает средне, но и в ней есть трактористы, работающие с душой и подлинным мастерством.

В районе есть крепкие, сильные колхозы — «Ленинский путь», «Прогресс» и другие, но много и отстающих. По урожайности Сокольский район занимает самое последнее место в области. В этом сказывается еще сила вековых традиций.

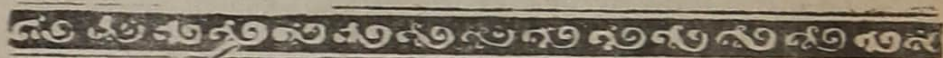
Сокольские с испокон веков были только немножко крестьяне, а больше волгари, водники, работали на верфи, на пароходах, на баржах, благо Волга легко и дешево уносила их в понизовые города, где летом можно было найти работу. Здесь укоренилась дурная привычка обрабатывать поля кое-как, и любовное отношение к земле внедряется медленно.

Улучшение обработки полей, повышение их урожайности — вот главные задачи Сокольского района на ближайшие годы.

Сокольская заводь, которую как бы на память о себе оставила далеко ушедшая отсюда своенравная Унжа, — одна из лучших заводей на всем протяжении самой большой в Европе реки.

Каждую осень в Сокольский затон приходят на зимовку десятки волжских судов, поэтому Сокольское не затихает зимой, а как бы еще больше оживает.

В связи с развитием экономической жизни страны в послевоенный период и увеличением перевозок по Волге, Сокольское все больше и больше будет ремонтировать и строить новых судов.

Кончатся окраинные рабочие поселки оживленной рабочей Вичуги.

Подвода минует пригородные поля и попадает на прямоезжую лесную дорогу. По сторонам ее виднеются безвестные ручьи с ивняком и ольховником по берегам, болота, лес, заболоченные луга и низинные земли.

После шумной фабричной Вичуги особенно остро ощущается невозмутимая как будто первозданная тишина.

Навстречу тянутся гурты скота из Пучежского, Сокольского районов в Иваново, на мясокомбинат.

Почему гурты переправляют этими глухотными местами? Ведь есть же в эти районы всем известная дорога через Юрьевец и Кинешму?

Попадаются на пути маленькие деревушки, приклевшиеся на опушке лесов. Наконец-то, встречается большое селение — слобода Подмонастырная, вытя-

нувшаяся по обеим сторонам дороги на полтора километра.

Дальше по необозримой низине петляет река Лух. Низкий берег ее — болото, лагуны воды, кочки.

На противоположном высоком берегу помещился Лух.

Вы въезжаете в него, и новые недоумения возникают в душе. По размеру это село, а по устройству город.

В центре площадь, а от нее, как лучи от солнца, во все стороны расходятся улицы. Заметно, что строились здесь по строгой планировке, а не кому как вздумается.

Дальше древняя земляная крепость. Заметны следы глубокого рва; осевшие земляные стены крепости, пережив века, все еще высоки и величественны.

Какие события вызвали необходимость постройки крепости и по чьей мысли воздвиг ее народ?

Никто из самых древних жителей Луха не сохранил этого в памяти. Тайну эту раскрывают древние синодики и летописные записи Лухского Тихонова монастыря, в котором в самые бедственные и темные годы этого края встарину тлеет свет русской грамоты.

Взгляните на карту нашей области.

От Плеса до Юрьевца Волга течет на восток, а за Юрьевцем делает резкий поворот почти под прямым углом на юг.

От Иванова до Пучежа и Сокольского через Лух вдвое ближе, чем через Кинешму. Здесь и пролегает старинный колесный путь с Волги в нынешние центрально-промышленные районы нашей страны.

Крепость Лух охраняла северовосточную границу Владимиро-Суздальского княжества. Известно, что его князья провели много успешных и больших походов, чтобы оседлать Волгу в верхнем и среднем течении и сделать ее русской рекой. Они воевали с волжскими булгарами, мордвой, черемисами, основали Нижний-Новгород, Юрьевец. Лух зачастую был исходным пунктом для этих походов. Он же отражал прорывавшиеся с Волги на территорию княжества вражеские орды.

«Место сие на три поприща зело бяше скудно: бор велий, и отнюдь непотребно, понеже песок безмерный бяше ту, а на друзей стране реки места непроходимые и блата велия», — записал древний лухский летописец.

Вот в этом месте на возвышенном берегу реки Лух и была возведена крепость. В ней три земляных стены, четвертую заменяет крутой обрыв к реке. За рекой тянулись в древности «блата велия», которые с этой стороны делали крепость неприступной, а в наше время они представляют собой огромную заболоченную низину.

Крепостные стены окружал глубокий ров, который,

будучи ниже уровня реки, во время осады наполнялся водой из Луха.

На земляные валы до сих пор трудно взобраться, высотой они и сейчас еще, через многие века со времени основания, — с двухэтажный дом.

Ну, какое значение могла иметь крепость в этих глухих лесах и болотах? На первый взгляд кажется, что никакого!

По десяткам лесных троп, дорог, по водным путям рек и речек ее можно всегда обойти и ринуться в густонаселенные места, на самые жизненные центры княжества. Но нельзя было оставлять позади необеспеченный тыл. Таковы уж неумолимые законы военного искусства. Гарнизон крепости мог перерезать пути сообщения или ударить во фланг. Противнику волей-неволей приходилось штурмовать эту крепость, стоящую на пути, или оставлять крупные силы для долгой осады ее.

Места эти густо политы кровью. Когда-то здесь звенели мечи, жужжали стрелы, а в более поздние времена и пули, лесная тишина оглашалась воинственными кликами, словами приказов, стонами и проклятиями раненых. Татары за триста лет владычества, во время своих бесчисленных набегов на центральную Россию, много раз штурмовали Лух. Это был крепкий орешек. Иногда целыми годами приходилось раскусывать его.

Один раз, долго осаждая Лух и отчаявшись взять его штурмом, татары ухитрились применить что-то вроде газовой атаки.

Выбрав тихий летний день, когда в воздухе «парило» перед грозой и дым стлался по земле, они обложили крепость зеленым ельником и зажгли. Густой смрадный дым тучей осел за стенами крепости, рассказывает летописец, задушил ее защитников, пытавшихся спастись в подвалах крепости.

Иван Грозный все лухские земли отписал в собственность местного монастыря. Грамота, подписанная им, гласит: «Не надобе с вотчины Тихонова пустыни на посаде моя царя и великого князя пошлина ни осьминное, ни туковое, ни коски, ни закоса, ни мыта, ни тамги, не весчева, ни померного, ни пятна, ни подымного...».

Но лухское население не освобождалось от всех этих налогов. Это значит только, что право на сбор их передавалось монастырю.

В тяжкую годину польской интервенции Лух подвергся зверскому набегу грабительской банды ляхов пана Лисовского: «...прежде мучаще всячески, огнем жгуще, испытующе сокровищ и смерти предаяху». На защиту родины в тот период безвластия встал весь народ.

Кроме двух великих наших патриотов, прославивших свое имя на века, в те времена народ выдвинул в

разных местах десятки героев типа Минина и Пожарского.

В Лухе таким Пожарским показал себя крестьянин Григорий Лапша. Он показал себя способнейшим военачальником. Организовав из крестьян и людей посадских боевой отряд, он разбил шайку пана Лисовского. Первое свое блестящее сражение он провел в Лухе, второе в Дунилове.

Встарину Лух был административным центром обширного края, в который входили Вичуга, Кинешма, Юрьевец, Пучеж, Порздни, Ландех, Пестяки.

В Лухе находились управление епархии, бурса с тремястами учащихся. После установления Костромского наместничества, а потом губернии все органы гражданской и религиозной власти были переведены в Кострому.

В лесной лухской стороне были развиты кустарные промыслы: производство игрушек, ложек, деревянной посуды, плетение корзин. Распространен был и отхожий промысел. Одни уходили «ведра, тазы чинить, самовары лудить», другие валенки катать, третьи портняжить, четвертые овчины выделывать.

Женская часть населения по зимам занималась плетением кружев, тканьем макриды. Из худших сортов льноволокна на ручных станах лухские ткачихи вырабатывали ткань сортом пониже мешковины. Эта самая дешевая из дешевых тканей и называлась макридой.

Она шла на обертку мебели при перевозке, обтирание машин и т. д.

Имя городка Лух как-то сочетается со словом лук. Культура товарного лука ведется здесь с незапамятных времен. Известно, что древняя русская кухня была немыслима без лука. Английские путешественники и купцы, которым доводилось бывать на званых обедах при дворе московских князей, свидетельствуют, что многие кушанья, а их подавалось к обеду иногда более трехсот, были пропигованы луком. Древний Лух был на Руси главным специалистом по выращиванию лука и монополистом на рынках. Он поставлял зеленый и репчатый лук.

Лух окружен со всех сторон длинными грядами лука. Летом и осенью стоит в селе крепкий луковый дух. Луховчане-луковники—здоровый, веселый народ с острым чувством юмора.

— В нашем краю словно в раю, — говорят они, — рябины да луку не приешь.

Они настойчиво приписывают луку целительные свойства и любят напоминать, что лук лечит от семи недугов, лук да баня все правят.

Житель Луха был огородником. Хозяин дома вечно находился в отлучке, переезжая с базара на базар. На каждый день недели у него приходился базар в крупных торговых селах — в Лухе, Шилекше, Порзднях, Старой Вичуге, Кинешме, Филисове, Худыни. Лух

я теперь со всех сторон окружен правильными рядами длинных узких грядок. И на них редко можно видеть произрастающим что-либо кроме лука.

Лух после революции долгое время находился в стороне от деятельной жизни обновления. Он был отдаленным лесным забытым уголком Кинешемского уезда, а потом Вичужского района.

После организации здесь самостоятельного района ожил этот своеобразный уголок нашей области.

В районе теперь две машинно-тракторные станции, Дом культуры, много школ, изб-читален, больниц.

Низинные лухские земли, в которых хорошо сохраняется влага, дают неплохие урожаи и могут давать еще лучшие.

В многоводных лесных реках Лухе, Туре, Добрице, Пичуге много рыбы. Если приложить руки и по-современному поставить дело, то рыбное хозяйство района может приносить колхозам значительный доход.

35 процентов земельной площади района до сих пор заняты лесами. А какие леса здесь были встарину!

В Лухе есть дом, построенный без помощи пилы.

Бревна чудовищной толщины перерублены топором. Смотришь, и кажется тебе, что его строили богатыри.

Сколько нужно было сил и времени, чтобы нарубить этих бревен и досок.

Дом до сих пор стоит прямехонько, в бревнах незаметно трухлявости, напротив, они от времени приобрели какую-то особенную крепость. Старожилы говорят, что древние люди знали особый срок рубки леса на стройку, умели для этой цели его «выдержать».

Будущее района — в повышении урожайности богатых лухских земель, в культурном ведении лесного хозяйства, в развитии кустарных промыслов, многие из которых незаслуженно забыты и заброшены.

Продвигаясь по Клязьме на Волгу, владими́ро-суздальские князья привели в покорность двух мордовских князьков Пургаса и Пурешу, сделав их своими «ротниками» (от старинного слова рота — клятва, присяга). Запись об этом событии встречается в летописях XIII в.

Память о тех временах сохраняется только в названии села Пурех и речки Пурешки. Теперешнего районного центра села Пестяков в то время еще не существовало. Первое упоминание о нем встречается в «писцовых книгах Суздальского уезда за 1628 год». «За стольником князь Иваном Никитичем Хованским за царя Василия московское осадное сиденье погост Пестяки на реке Пурехе церковь древяна, — при церкви священник, дьячек и просвирня, 11 келей нищих...».

Бедный погост Пестяки с окружающими его деревнями был «пожалован» царем Василием Шуйским князю И. Н. Хованскому. Вместе с Хованским был награж-

ден тогда «за осадное сиденье» князь Д. М. Пожарский. Он в 1609 г. защищал Москву от осадивших ее полков польской шляхты. Тогда царь Василий Шуйский и наградил Пожарского селом Нижний Ландех, которое находится недалеко от Пестяков.

Это были очень бедные, скудные места: леса и болота и среди них маленькие села, нищие погосты и деревеньки. По переписным книгам 1678 г. в этой местности насчитывалось 264 двора, из них 139 бобыльских.

Из этого видно, что половина населения были нищие крестьяне, бобыли — безземельные и бестягловые, что говорит об ужасающей бедности, в какой жили пестяковские крестьяне в ту далекую пору.

Нищета, голод, малоземелье, скудость почвы вынуждали пестяковских крестьян искать побочных заработков и промыслов. С испокон веков здесь было развито вязанье носков, варежек и перчаток.

Эти изделия из грубой шерсти составляли главный предмет торговли на местных базарах и в большом количестве вывозились в соседние и отдаленные области и города.

В одном официальном издании за 1867 г. говорится:

«Жители Гороховецкого уезда промышляют вязанием шерстяных чулок, носков и варег, сбыт коих производится на сумму 140.000 руб. серебром по раз-

ным сибирским городам, а также в Москве, Петербурге, Ростове и Нижнем-Новгороде во время ярмарки.

Этой промышленностью в особенности занимаются в селе Пестяках с прилегающими к нему селениями до 5000 душ и сверх того некоторыми крестьянами продано шерсти до 50.000 руб. серебром».

Всю торговлю шерстяными изделиями сосредоточили в своих цепких руках крупные торговцы. Они держали в кабале все окрестное население, за работу платили гроши, наживая на продаже носков и варежек сотни тысяч рублей.

После коллективизации Пестяковский район стал одним из крупнейших сельскохозяйственных районов нашей области. Основной культурой здесь является лен.

На девяносто километров Пестяки отстоят от железной дороги, но они не остались забытым уголком, далеким от большой созидательной жизни. За годы советской власти в значительной мере изменился облик Пестяков. Здесь построены два льнозавода по первичной обработке льна. Льнозаводы облегчили труд колхозников, особенно женщин, которые раньше всю льнотресту перерабатывали ручным способом.

Пестяковская и Верхне-Ландеховская машинно-тракторные станции, имеющие много тракторов и сельскохозяйственных машин, оказывают колхозам большую помощь в обработке полей.

За годы Великой Отечественной войны в Пестяхках выстроен крахмало-паточный завод, и сейчас колхозы не возят картофель на дальнее расстояние, он перерабатывается у себя в районе.

На окраине села расположено значительное предприятие артели, вырабатывающей носки, варежки и валеные сапоги.

В Пестяковском районе четыре строчевые артели, изделия которых пользуются большой известностью не только в нашей стране, но и за границей. Ежегодно одна только Пестяковская строчевая артель выпускает готовых изделий на 2 млн. рублей.

Культурным очагом села является районный клуб, в котором есть звуковая киноустановка, работают кружки художественной самодеятельности. Районная библиотека имеет 15 тысяч книг.

Кроме того, работают четыре библиотеки в селах района с 12 тыс. книг. В Пестяхках есть детская консультация, больница, два детских дома. В дореволюционное время в Пестяхках была только одна двухклассная школа, теперь в районе 53 начальных, 7 неполных средних и две средних школы. В них обучается 6 тысяч детей.

В годы Великой Отечественной войны отдаленный Пестяковский район наравне с передовыми районами нашей области вносил свою лепту в дело защиты Родины.

Колхозники сельскохозяйственной артели «Вперед» собрали на строительство танковой колонны «Ивановский колхозник» 75 тысяч рублей и 105 тысяч рублей на строительство самолета им. М. В. Фрунзе, за что получили благодарственную телеграмму от товарища Сталина.

Много замечательных людей живет и работает в Пестяках. Учительница Мордвиновской начальной школы Александра Лаврова награждена орденом «Трудового красного знамени», заведующая Кислятской начальной школой Мария Кошкина — орденом «Знак почета».

Сотни пестяковских льноводов с оружием в руках защищали любимую родину. На груди многих из них сверкают ордена и медали воинской славы.

Пестяки — культурный и административный центр самого отдаленного района области. Его будущее — в развитии льноводства, улучшении лугов, разработке новых земельных угодий, проведении дорог и увеличении доходности всех отраслей сельского хозяйства.

Перепутье трех больших дорог. Корчма, харчевня, ночлежный дом, склады сена и овса.

Во время своего продолжительного пребывания в Александровской слободе Иван Грозный облюбовал этот перекресток для конного завода. Недалеко отсюда было прекрасное пастбище, — сухой участок лесостепи с родниками и заповедными рощами.

«А с топором в них никому не входить» — грозно предписал царь местному населению.

После смерти Грозного конный завод, состоявший из одиннадцати строений, пришел в упадок. Царевы конюхи со своим потомством осели здесь, построили домишки, завели торговлю, и образовался тут торговый посад. Старшего царева конюха звали Гаврилом, и оттого новый посад стали звать Гавриловым.

Этот посад встарину оживал зимой и замирал летом. Через него пролегалла одна из прямоезжих дорог из северных равнин и лесов нашей страны в Москву.

По санному пути север доставлял в столицу свои товары и продукты: хлеб, лук, пушнину, сушеные и соленые грибы, мороженые, сушеные и моченые ягоды, битых зайцев, тетеревов, рябчиков, глухарей, льняное и скоромное масло, — все блага и дары своих полей и лесов. В Гавриловом-Посаде обозы останавливались, проезжие кормили лошадей, оставались ночевать, к их услугам тут было больше двух десятков постоянных дворов с харчевнями.

Здесь протекает река Ирмизь. Вдавности она была многоводной рекой. Ирмизь впадает в Нерль. Суздальский краевед Варганов доказывает, что Ирмизь входила в систему водных путей Владимиро-Суздальского княжества, и по ней водили небольшие струги и стружки.

В царствование Екатерины II в Гавриловом-Посаде было построено здание конюшни. С коневодством по началу что-то незаладилось, помещение использовалось многие годы под солдатские казармы, а затем пересыльную тюрьму.

С 1886 г. здесь вновь завели конюшню с 35 производителями разнообразных пород. Тут были «Суффольки», «Брабансоны», «Першероны», «Шайры», английские и орловские рысаки. Госконюшня имела своей целью улучшение конского состава в хозяйствах мелкопоместных дворян и богатых мужиков.

После отмены крепостного права в районе Гаврилова-Посада значительно оживилась торгово-промыш-

ленная жизнь. Появилось гильдейское купечество. Купцы завели кожевенные, мыловаренные, свечные заводы, красильные и ситценабивные фабрики. Было несколько ткацких фабрик, где работа велась вручную. Все это были небольшие заведения полукустарного типа с количеством рабочих от 50 до 150 человек.

Немудрено, что с развитием крупнокапиталистического производства почти все они исчезли, не выдержав конкуренции. Но древние старики помнят еще эти фабрички и заводики и дают интересные сведения об условиях работы на них:

— Всего-то всего в те времена натерпелась, — говорит Н. Д. Герцева. — С 13 лет пошла во ткацкую, маялась с 4 часов до позднего вечера, а зарабатывала самую малость.

— С девяти лет меня послали разматывать шпули, — вспоминает дедушка Тарасов. — За одну копейку я должен был размотать 20 мотков, а за день мог управиться с сотней мотков и выгонял немного-немало пять копеек. Потом подрос и парнем стал зашибать до 2 рублей 30 копеек в месяц.

После проведения железной дороги Москва—Иваново ивановский фабрикант Дербенев построил в районе Гаврилова-Посада ткацкую фабрику на 1150 станков, позднее местные купцы Шнурков, Малышкин и Трещалов — на 896 станков.

Революционное движение 1905 г. захватило и этот отдаленный в основном сельскохозяйственный район.

Рабочие госконюшни потребовали от своего барина — заведующего — не загружать их делами, не имеющими отношения к основной работе; забастовали рабочие ткацких фабрик. Появились конные стражники, невиданные в Гавриловом-Посаде до тех пор.

В феврале 1905 г. во время масленичного гулянья, когда в городе собралось много народа, черносотенцы устроили погром, убили и ранили 25 человек.

В Посаде много было торговцев и скупщиков сельскохозяйственных продуктов. Местные воротилы за один базар скупали по 25 тысяч и даже более пудов льноволокна и льносемени.

До революции 1905 г. здесь было одно двухклассное училище на 100 человек для мальчиков, главным образом из семей торгового люда, и одно женское училище.

Но жизнь усложнялась, требовались более грамотные конторщики, приказчики, агенты по скупке, а поэтому местные купцы выстроили четырехклассное высшее начальное училище. Теперь в Гаврилов-Посадском районе четыре средних, десять неполных средних школ, две школы рабочей молодежи, две школы ФЗО, районная колхозная школа, два клуба, два кинотеатра, радио в городе и в четырех колхозах.

В городе семь детских учреждений, детская консультация, две больницы с зубоветеринарным и рентгеновским кабинетами, кроме того, три больницы и несколько медицинских пунктов в районе. Интересно отметить,

что до революции весь этот обширный район обслуживал один единственный врач.

Обширны пахотные площади района, но в нем еще сохранились большие лесные массивы, в которых ведутся лесоразработки. Район располагает также большими запасами торфа.

Иваньковское торфопредприятие ежегодно добывает свыше 30 тысяч тонн. На этом топливе работает Петровский спиртозавод, одно из самых мощных предприятий района. Проведена узкоколейка от завода до Иваньковского торфопредприятия протяжением 14,5 километров.

На ближних к городу болотах торф добывается для отопления зданий и нужд артелей местной промышленности.

Гаврилов-Посадский район одним из первых в нашей области получил машинно-тракторную станцию. Она сейчас является мощным социалистическим предприятием, владея многими десятками тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин. Эта машинно-тракторная станция награждена орденом «Знак почета», три года была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, многие ее работники награждены золотыми, серебряными медалями, похвальными свидетельствами.

В том же 1931 г. здесь была организована машинно-тракторная мастерская, которая ремонтирует тракторы для многих МТС.

В посевных площадях колхозов очень значительное место занимает картофель, который идет в переработку на спирт на Петровском заводе.

В окрестностях города на площади в 2400 гектаров раскинулось совхозное хозяйство. Сельскохозяйственными и молочными продуктами оно снабжает областной центр, транспортируя их по железной дороге.

Гаврилов-Посадская госконюшня проводит большую работу по улучшению колхозного коневодства, обслуживая 10 районов. В ней 37 производителей породы Брабансон и Клейдесдаль.

Наши колхозы предпочитают клейдесдалей. Они легче и подвижнее других тяжеловозов и более соответствуют характеру расторопного, скорого на дело и передвижение русского человека, а поэтому госконюшня культивирует главным образом эту породу.

Интересно отметить, что Гаврилов-Посадская госконюшня занимается разведением мулов, этих во многих отношениях очень ценных животных. Мул сильнее, выносливее обыкновенной средней лошади, неприхотливее на корм и главное — много долговечнее лошади. Мул — помесь лошади с ослом. Прямого потомства он не дает, поэтому муловодство не легко поставить в широких масштабах. Но в колхозах района уже в настоящее время имеется до двух десятков мулов.

За многие десятки лет своего существования госконюшня сумела привить местному населению любовь

и особенно, если можно так выразиться, вкус к хорошему, сильному, породистому коню. С помощью госкопюшни в районе созданы 32 племенные конефермы, из них три на правах конных заводов.

Артель «Новая жизнь» имеет 33 конематки, 20 голов породистого молодняка и двух производителей. Один из них «Прозит» на ВСХВ был признан чемпионом. Его имя упоминается в учебном пособии для средних школ по основам дарвинизма. В колхозе «Общими силами» — 56 высокопородных лошадей и широко известный жеребец «Хан», записанный в племенные книги.

Жители Гаврилова-Посада гордятся патриотическими традициями своего района — с испокон веков он ничего не жалел для своего отечества.

По призыву Минина и Пожарского жители Гаврилова-Посада собрали свыше тысячи рублей, — крестьяне села Шельбово — 40 пудов муки, Осановца — 77 пудов, Глумово — 125 пудов, Давыдовского — четыре четверика ржи. В ополчение 1812 г. Гаврилов-Посад и окружающие деревни послали 106 человек. До сих пор здесь даже помнят имена их — это Егор Дудоров, Абрам Туркин, Филипп Уманов, Иван Санцов, Евдоким Охапов и другие.

Следуя примеру предков, в годы Великой Отечественной войны население района оказывало большую несравнимую с прошлым помощь своему социалистическому государству.

Только в одном 1944 г. колхозы района сдали сверх плана в фонд Красной Армии 526 тонн зерна. В 1943 г. председатель колхоза «Заря» Ефросинья Молчанова внесла 50 тысяч рублей на самолет, жена фронтовика Лидия Ефремова первая в районе открыла счет на строительство танковой колонны жен фронтовиков. Обе они получили благодарственные телеграммы от И. В. Сталина. Тысячи мужчин и женщин защищали свою родину от фашистских грабителей. Многие из них отличились в боях и награждены. Танкист Порфирий Краев награжден трижды.

Фельдшер Лиза Болотина на фронт ушла добровольцем и вынесла десятки раненых с поля боя, была награждена и героически погибла на боевом посту, оказывая помощь раненым. Гвардии ефрейтор Иван Федорович Шушин в 1944 г. совершил бессмертный подвиг. Комсомолец Шушин, преисполненный грозной яростью, схватил фашистского пулеметчика за горло, а телом своим навалился на ствол пулемета. Он обеспечил путь нашей пехоте. Ивану Шущину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя внесено в список полка навечно.

Село Ильинское упоминается в исторических документах в 1619 г., когда царь Михаил Федорович наградил князя Димитрия Михайловича Пожарского «селом Ильинским с деревнями» за освобождение Москвы. Потом село перешло в руки князей Хованских.

Но исторические события на территории Ильинского района происходили гораздо раньше. В начале XIII в. разгорелись междоусобные войны между князьями — братьями, сыновьями великого Владимирского князя Всеволода.

Особенно большое сражение произошло на реке Лишице в 1216 г. В этой братоубийственной брани пало огромное по тому времени число людей—9233 человека.

Память об этом скорбном, горестном для народа событии до сих пор сохранилась в названии населенных пунктов Ильинского района — Ратчино (от сло-

ва «ратчились» — воевали), Стоянтино, Плакидино (стон, плач).

В 1939 г. колхозники при рытье ямы натолкнулись на погребение воина в доспехах XIII в. Около деревни Твердилкино при разработке урочища Горбан несколько лет тому назад выпахивали человеческие кости и старинное оружие.

Обессиленная междуусобными войнами Русь в первой половине XIII в. подверглась нашествию диких татарских орд Батыя. Татарское иго тяготело над нашими предками 250 лет.

О господстве, произволе угнетателей опять, как живые свидетели, говорят названия сел, деревень, полей, урочищ. Здесь жили баи — татарские кулаки (деревня Баево), баскаки — сборщики дани (деревня Баскач). Для жительства они выбирали самые лучшие, самые красивые места (деревня Якшино, якши — хорошо) с прекрасными лугами, яркими, пестрыми от множества цветов (поле Чувырда, луг Чувыр, чувар — пестрый), с речками, изобилующими рыбой (река Байгановка, байган — богатство).

Татарские богатеи и начальники имели здесь большие хозяйства, конные заводы, мастерские, в которых использовался даровой труд русских людей. Об этом говорят — поле Урга (ур — жать), деревня Щукотье (щеготь — лошадь), заарбанные полосы (арба — телега, повозка) — здесь выделявали и ремонтировали обозный инвентарь. Вот место, куда сгоняли русских

людей для отправки в рабство в степные кочевья — поля Ялмино (ял — раб), место варварских казней — село Караш (черное, мрачное место). Осужденных провожали матери, жены, родственники; плачам и стенаниям тут не было конца, и потому близлежащее к Карашу село называется Пареве (рев).

Для «правоверных мусульман» были особые бани, и потому одно из сел называется Минчаково (мунча — баня). Так странные, нерусские звучания в названиях сел, деревень и полей вскрывают всю тяжесть татарской неволи, которую перенесли наши предки.

Жители Ильинского района, как истинные патриоты своей Родины, принимали непосредственное участие в освобождении России от польской интервенции в 1612 г., в семилетней войне, в кампании 1812 г., не говоря уже о войнах последующего времени.

Как реликвия, в семье Виктора Иванова из дер. Ульяново хранится медаль за взятие Берлина в 1760 г.

Недавно в Ильинский музей была передана пика, с которой участвовал в войне с Наполеоном прадед Ивана Солынина.

Много тягостных годин изведal на своем великом историческом пути русский народ. Крепостное право было одной из темнейших страниц его истории. На территории теперешнего района было 133 помещика. В Ильинском музее хранятся интересные документы о жизни и быте того времени.

В описи имения помещика Палицына приведена

оценка стоимости крепостных: старик Мирон 70 лет стоит 10 руб., жена его Авдотья 70 лет — 5 руб., сын их Прохор 40 лет — 80 руб., его жена Акулина 40 лет — 20 руб., их дети от 2 до 15 руб.

Одно время село Ильинское со всей вотчиной перешло к помещику Нечаеву. О нем сохранилась такая запись царского чиновника:

«Крестьяне платили ему оброка по 10 рублей ассигнациями, стеснение крестьянам состояло только в том, что Нечаев недозволял девок своей вотчины выдавать в чужие без особого в пользу его выкупа и обязательно пользовался правом первой ночи».

С конца XVIII и начала XIX вв. в районе была распространена ручная выработка тканей. На обычных станах вырабатывали холст, на более сложных — сарпинку. До сих пор у многих крестьян и бывших владельцев ткацких светелок сохраняются такие станы и разные приборы к ним.

С незапамятных времен здесь был развит кузнечный промысел. О древности этого промысла говорят названия некоторых селений: Колчигино, Сабельниково, Веригино. Еще в период далеких княжеских междоусобий, удельных распрей здесь древние мастера усиленно ковали мечи, сабли, кольчуги...

Ильинское находится недалеко от древнего города Ростова-Великого. Многочисленные монастыри Ростовского княжества были потребителями вериг, которые изготовляли кузнецы села Веригина.

Возможно, что тогда использовалась местная болотная руда, которая во множестве встречается в здешних болотах.

Позже, когда исчезла надобность в кольчугах, а мечи были заменены более совершенным оружием, местные кузнецы занялись изготовлением железных частей к каретам.

Из старинных зданий в селе сохранились каменное здание бывшего волостного правления, двухэтажный помещичий дом с подземными ходами под ним, бывший гостинный двор.

Ильинское было крупным торговым селом. Главными предметами торговли служили картофельная мука и лен. В нем насчитывалось 16 маленьких предприятий, четыре картофелесушилки, две красильни и 37 чайных и трактиров, правда, некоторые из них открывались только в базарные дни.

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила весь уклад жизни села и всего района. Особенно это изменение сказалось после коллективизации. Сейчас в районе имеется восемь картофелетерочных заводов, два цикорно-сушильных, три маслозавода, один сырозавод, промкомбинат и четыре промартели. Эта промышленность района, перерабатывающая продукты местного сельского хозяйства, в прошлом году выполнила план на 122%.

Колхозы Ильинского района добились немалых успехов. В 1944 г. Чанниковский колхоз собрал зерно-

вых по 11,5 центнера с гектара, картофеля по 123 центнера, Оленийский—зерновых по 13,2 центнера, картофеля по 106 центнеров. Но еще много предстоит сделать, чтобы достижения передовых стали достоянием всех колхозов района.

Значительны достижения и в животноводстве. Поголовье крупного рогатого скота за три последние года увеличилось почти на три тысячи, свиней—на тысячу, овец — на четыре.

В колхозе «Путь к социализму» заведующий свинофермой В. С. Козлов получает ежегодно в среднем по 23 поросенка на свиноматку, причем отдельные свиноматки дают за год по 27—28 поросят. Надой молока в некоторых колхозах доходит до 1845 литров, а лучшая доярка артели «Красный Октябрь» — Алексеева Евдокия получила от каждой фуражной коровы по 1890 литров.

Много в районе знатных людей. Четыре учительницы награждены орденами и медалями Советского Союза.

Пять славных матерей, давших Родине по пять-семь и восемь молодых граждан, славных защитников и тружеников тыла, получили ордена «Материнская слава» II степени и III степени и медали «Материнства II степени».

Лучших своих сыновей посылал район на защиту социалистического отечества. Многие из них доблестью и беззаветным героизмом доказали свою любовь и преданность Родине. Всему району известны дела быв-

шего колхозника села Игрищи Курнаева Сергея, отличившегося при форсировании Днепра. Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему высокое звание Героя Советского Союза.

Колхозник с. Кулачево — В. В. Морозов уже получил пять правительственных наград. Н. А. Чернышев из д. Куменево имеет четыре боевых награды.

В период мирного строительства район будет повышать урожайность своих полей, продуктивность животноводства и развивать промышленность, перерабатывающую продукты сельского хозяйства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	3
Кинешма	5
Шуя	14
Вичуга	23
Тейково	31
Родники	38
Фурманов	45
Кохма	52
Лежнево	59
Савино	68
Наволоки	77
Комсомольск	86
Палех	95
Южа	105
Приволжск	119
Плес	127
Юрьеvec	133
Пучеж	141
Сокольское	150
Лух	158
Пестяки	167
Гаврилов-Посад	172
Ильинское	180

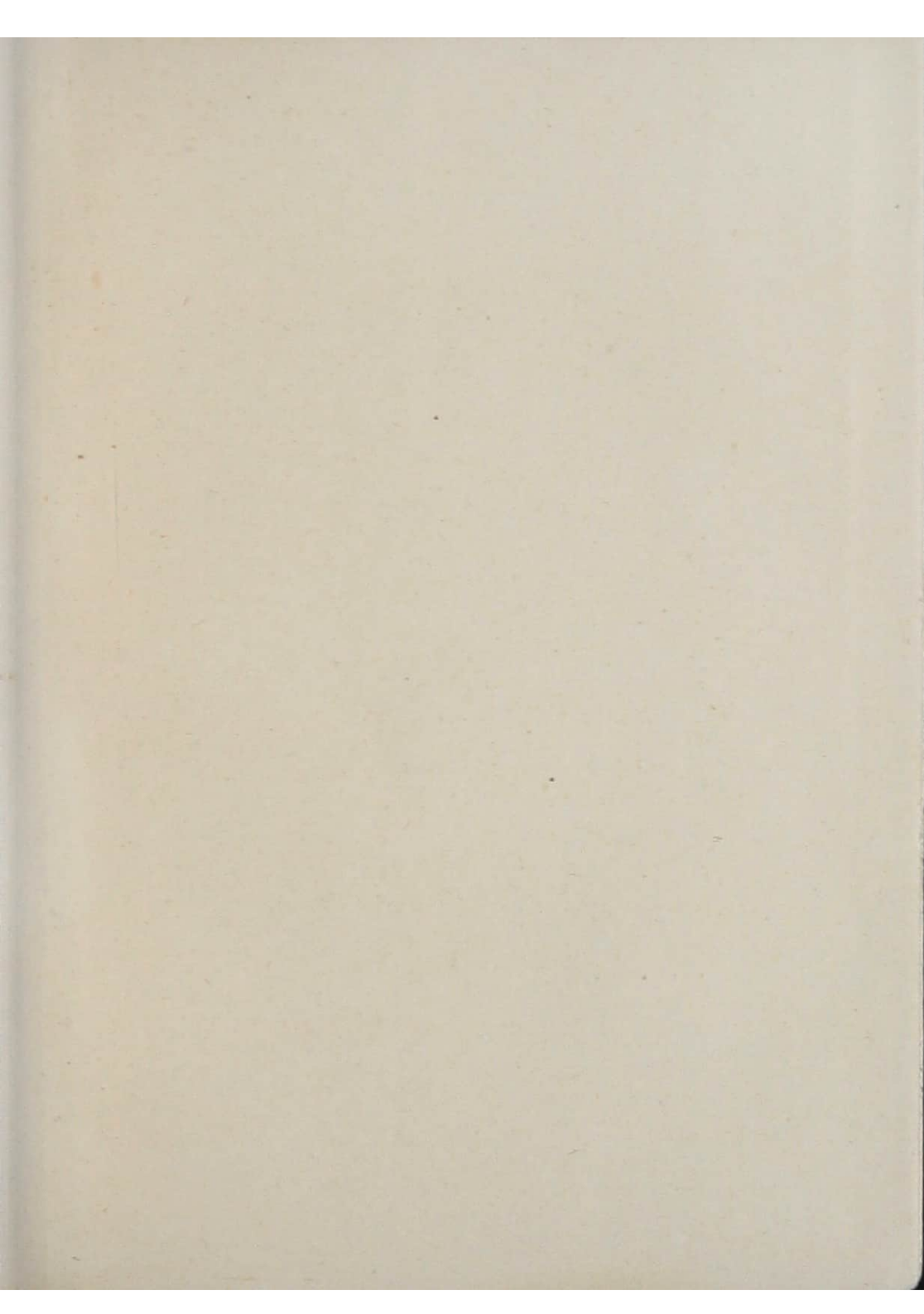
Редактор П. М. Экзем-
лярский. Редактор изда-
тельства М. Х. Кочнев.
Художник Б. Н. Лукин.

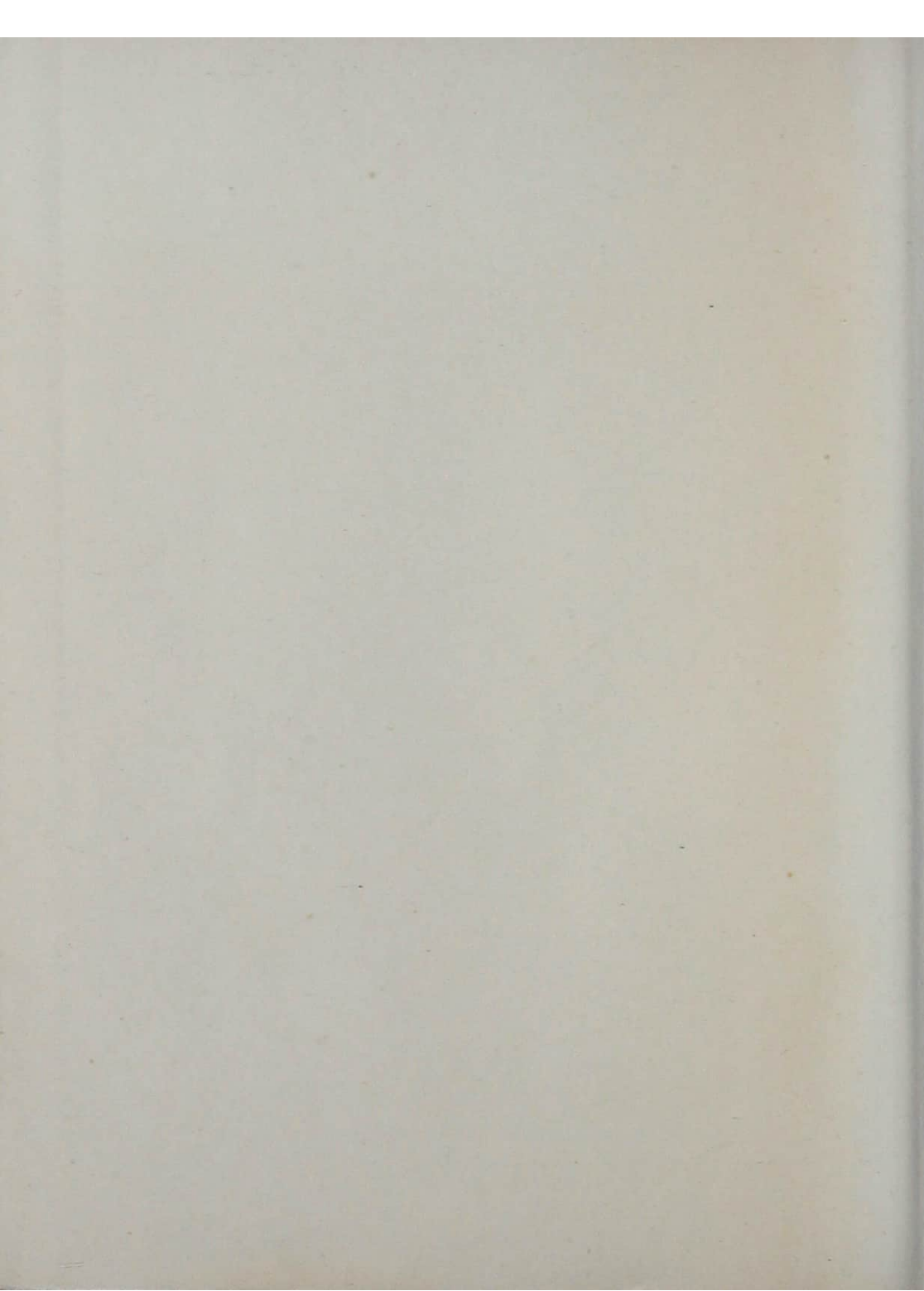
*

Подписано к печати 6/X
1945 г. КЕ—01336. Печ. л. 57/8
уч.-изд. л. 5,9. В печ. л. 44064
тип. зн. Тираж 5000 экз.
Цена 3 руб.

*

Типография издательства Ива-
новского облсовета депутатов
трудящихся, г. Иваново, Ти-
пографская, 4. Заказ № 4849.

3 p76.

